

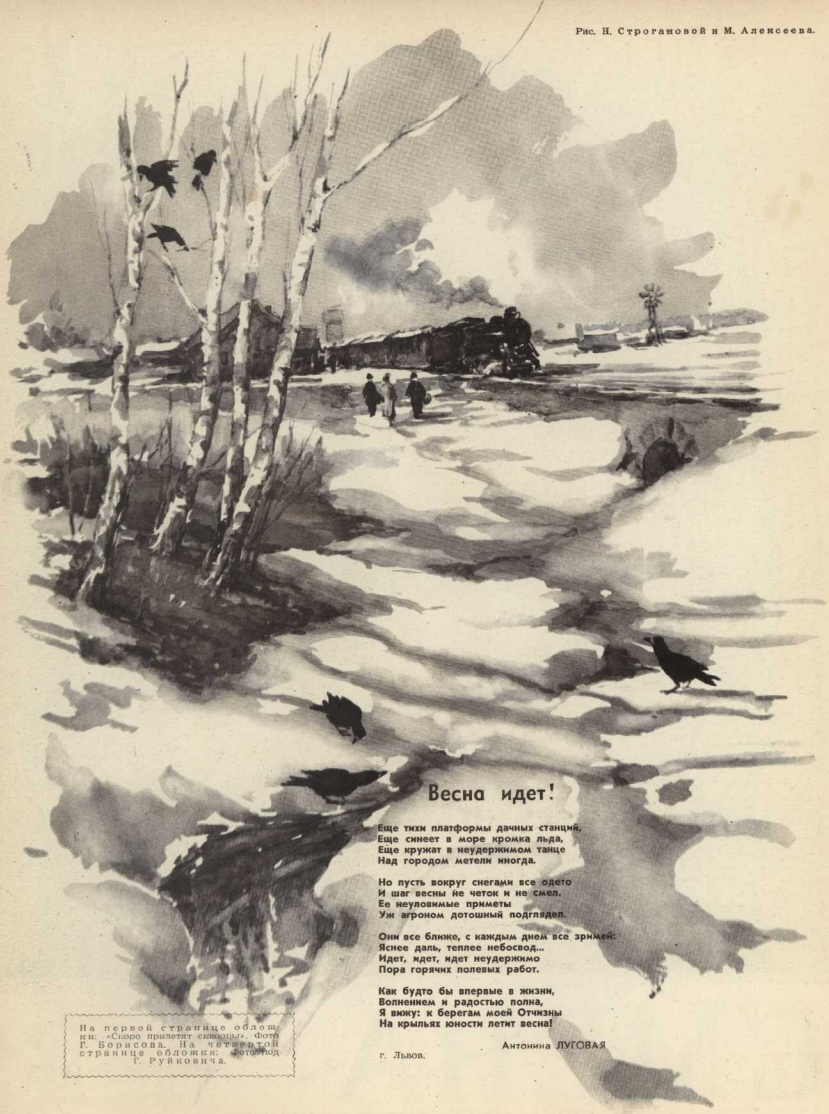
СМЕНА

Иванова

6

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Весна идет!

Еще тихи платформы дачных станций,
Еще снежит в море кромка льда,
Еще кружат в неукротимом танце
Над городом метели иногда.

Но пусть вокруг снегами все одето
И шаг весны не четок и не смел,
Ее неуловимые приметы
Уж агроном дотошный подглядел.

Они все ближе, с каждым днем все зримей:
Яснее даль, теплее небосвод...
Идет, идет, идет неукротимо
Пора горячих полевых работ.

Как будто бы впервые в жизни,
Волненьем и радостью полна,
Я вижу: и берегам моей Отчизны
На крыльях юности летит весна!

Антонина ЛУГОВАЯ

г. Львов.

На первой странице обложки:
из «Скоро прилетят скворцы», фото
Г. Борисова. На четвертой
странице обложки: фотохуд
Г. Руйковича.

Все новые и новые партии молодежи едут на освоение целинных и залежных земель. На с н и м ке: проводы молодежи Бауманского района г. Москвы.

Фото Г. Бордосова
и В. Сметанина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март, № 6, 1955 год.

Год
издания
32-й.

ТЕБЯ НА ЦЕЛИНАХ ЖДУТ

Стихи Виктора УРИНА

Пролог

Я хотел бы стать правофланговым
В том достойном песенном строю,
Где поэты выстрадавшим словом
Прославляют Родину свою.

Я хочу, коль решено, что двинусь
По массивам залежным, степным,
Чтобы

задушевная партийность
Управляла голосом моим.

Может быть, добьюсь награды вышней,
Если там,

где страдная пора,
Около мохн четверостиший
Люди посидят, как у костра.

Путь-дорога

Провожай меня в путь-дорогу,
Еду я на немалый срок.
Всяких радостей понемногу
Положи в вещевую мешок.

За Палласовой пропыленной
Есть целинные рубежи,
Степь накинет платок зеленый,
Льшь старанка приложит!

Там пшеница созреет в сроин
И волнами начнет ходить...
Буду жить далеко-далеко,
Затоскую я, может быть.

А когда разгорится лето
И окончишь ты институт,
Знай: тебя на целинах где-то
В безмянном поселке ждут.

Ты приедешь, и скажут люди:
— Вот для вас непочтатый край.
На массиве мы, как на блюде,
Поднесем стране урожай.

В Заволжье

В ночной степи обочинным,
колоды и лощинам.
Вдыхают озобоенно
посланцы Харьквщины.

Идет весна-улетчица
и говорит сурово:
— Ругать мне вас не хочется,
но вы ведь дали слово...

Так что же время лучше
напрасно вы прождали!
Не подвели горячее,
зачпастн и так далеко!

Что ж медлите с завозкою!
Какой еще там промах!
Не вам ли степь заволжскую
доверили в районом!

Легко сказать! И с трактором
все дело тут завалишь,
коль не сошлись характером
плуги и эта залежь.

Земля вконец спрессована,
чуть послыбев гранита,
как будто на засов она
здесь накрепко закрыта.

Ну, что ж! До сих пор пуская
мы многого не знали,
мы земельно-плугорудным
котелом взять — не взяли.

Денек отменный выдался,
но трактор-работяга
пылеел, пылет — и выдохся,
не сделавши ни шага.

Вздыхаем:

— Что хорошего...
— Снимайте пятый корпус!
Ленин теперь отброшенный,
как запятая, сорбсья.

И позади все горести...
А тракторист влюбленно
переключает скорости
у нового загона.

Я слышу:

— Ну и чертушка!
Пошел, даю вам слово...
И борозды, как черточки
лица нам дорогого.

Зернисто-комковатая
земля с плугом сползала,
целинная, богатая,
чуть влажная, как сало.

На целине, на залежи,
где степь сравнил бы с морем,
нашлись мы, доказали же,
что победим, поборем!

Пусть нивали украсятся
заволжские долины.
Спасибо вам, украинцы,
посланцы Харьквщины!

Реченька

Зари полоска тусклая
Прорезалась в ночи.
Поет гармошка тульская
В деревне Кузьмичей.

И звуки льет в апрель она
И почему б не лять!
Мол, девица не велено
За реченьку ходить.

И так смешно от этого,
Хотя бы был ручей!
В степи, однако, нет его
У наших Кузьмичей.

И нет его, ручья того,
Куда глаза ни кинь,
У края непочотого
Польни, одна польнь...

Польни сухая, тусклая
Шумит на целине...
Поет гармошка тульская
В заволжской стороне.

Геологу-разведчику
Так хочется любить,
Но девица за реченьку
Не велено ходить.

Не велено, не сказано,
А все же через год
Тропинками не раз она
За реченьку придет.

Хорошее решение
(Немного потерпи),
Каналы орошения
Запущутся в степи!

И, обнимая бережно
Любимую свою,
Товарищ мой по беремку
Пройдет в стеном краю.

Польнь

Целинная степь.
Седаа польнь.
Коровь стада.

— Поедем туда!
— Машина идет!
— Девчата, айда!

С весельем в глазах,
С любовью в глазах,
С почтеньем в глазах.

Подходит казах,
И снова казах,
И третий казах.

— Почем молоко!
— А будете пить!
С горчинкой оно...

Девчата одно:
— Нельзя ли купить!
Возьмем все равно!

Целинная степь...
О, как широко!
На сердце легко!

Девчата идут,
Смеются, поют
И пьют молоко.

Горчит молоко,
И ветер горчит,
И травы горчат.

А песни звучат
И утром звучат
И в полдень звучат.

Палатку польнь.
Вечернюю снь
На плечи нанкин.

И эта польнь,
Седаа польнь,
Нас скрвет польни!

Прохладные руки,
Милые руки,
Словно ручьи...

И горькие губы,
Горькие губы,
Губы твои.

Заволжской весной
Мы будем с тобой
Идти целиной.

Чтоб ветер степной
Играл полойдой
Пшеничной волной.

Рис. А. Паукова.

Ефим ПЕРМИТИН

РУЧЬИ ВЕСЕННИЕ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

Мелкий, надоедливый дождь, застилавший горизонт, перешла в ливень. Земля, не поспевая впитывать влагу, раскисла. Сев пришлось прекратить: не крутились диски сеялок, остановились завязавшие в грязи бензопомпы и ремонтные легучки.

Многие трактористы и прицепщики, спасаясь от непогоды, уехали в деревни или отсиживались в полевых станках. И только комсомольская бригада не ушла с поля, продолжала пахоту.

Астроном Вера Стругова готовила очередной номер «Новостей бригады». На дворе от холода немеали руки, дождь навязчиво пробивал брезентовые плащи, поэтому ей хотелось сделать этот номер стеной газеты особенно «горячим». Она вывела крупным шрифтом:

«Не глядя ни на какую погоду, не ослабляя темпов, не снижая качества работы.

Девушки! Сейчас каждая смена, отработанная на тракторе и особенно на прицепе, стоит трех смен, отработанных в обычную погоду.

Помните, что нынешняя весна войдет в историю нашей страны как «горючая» — целино-молодежная весна — решительный, смелый бросок к коммунизму. Как бы ни было трудно, не сдавать позиций, не улаживать сенокос семян! Каждый день, выходящий вперед в битве со стихией, — это тысячи дополнительных центнеров зерна. К этому призывает нас партия».

Бригадная потешка трактористка Мару-

ся Ровных написала стихи о самоотверженном труде девушек-механизаторов, а юная трактористка, скромная, тихая Поля Дейкина — заметку о подвиге прицепщицы Грании Ворониной.

...

За окном полевой кухни комыкалась спаленная серая стена ливни. Но сквозь его шум с зыбкой тривы доносился победный рокот моторов.

— Не успею! Ой, не успею! — сокрушалась бригадная повариха Катя Половникова, хлопоча у печки.

Накинув на плечи фуфайку, она выбежала за дровами. Пока набирала охапку, так вымокла и озябла, что, вернувшись на кухню, с трудом открыла коробку спичек: окончательно пальцы не слушались.

«А каквою теперь девушкам!» — подумала Катя.

В окно хлестали мутные потоки ливни. На крыше грохотал сорванный лист железа. Штормовой ветер трепал, как укладку суденышко, маленькую полевую кухнюшку с жалкой прожженной трубенкой, с камельком и вымазанным в него котлом.

— А ведь так кипочек не развечь! — с досадой заговорила сама с собой бригадная повариха. — Оплать, видно, придется разругать старейшицу, хоть это и строго-на строго запрещено бригадиром...

Но зато, когда пальцы загнуло, застряло в трубе и от печки повесело телом, продрогшая Катя счастливо улыбулась.

Вскоре от котла потянуло вкусным запахом пшениного куаеша, приправенного луком и салом.

«Нажормаю девчат досыта!» — с радостью думала повариха.

Трудно влить обед в такую погоду: сырым дровам шипит, плавится. Но еще труднее доставить пищу трактористкам и прицепщицам, работающим за два километра от кухни. Однако Катя Половникова и в эти нелегкие дни аккуратно доставляла обед и поле на старой лошаденке, запряженной в дрожки.

В пути ей не раз приходилось заплакнать, но никто этого не видел, а сама Катя никому не жаловалась на трудности. Если иной раз и выдыхала ее покривившиеся глаза, то у кого они не слезились на таком ветру?.. Зато как бывала счастлива Катя, когда промокшие до нитки девушки хваляли ее куаеш!

— Я бы тебе Золотую Звезду героя получила, — сказала ей маленькая прицепщица Грания Ворониная. — От этого куаеша просто душа оттаивает!

Катя посмотрела на плавно, на завязки с пологими кустиками бурьяна, потом на трактористок, обдававших в кабине трактора, и, чуть улыбувшись, возразила: — За куаеш, Грания, герой не дакт... А вот уж кому бы стоило давать звезды, так это прицепщицам. Трактористке что? Она в кабине... А прицепщице действительно достается. Посиди-ка денди-деской под проливным дождем, покрутись, как сорочка на колу!.. — Повариха заб-

ко передернула худенькими плечиками. — Давайте, милая, подольше вам горяченького...

Девушки не отказывались. Живая, всегда поджигая Груня ее моча, все отделилось от поверхности тела, разлазвещающемуся по телу.

Наконец девушки наелись и отдали Каме миски. Груня завернула в клочок бумаге ложку и сушила за голенище.

— Как нас эти оружье всегда под рукой, — пошутила она.

Пока девушки обедали в кабине, дождь сменяла настоящая пурга.

— Чего доброго, снова застанет наша зalezка. Как ты думаешь, Поля? — спросила Груня трактористку.

— Не застанет, она знает, что нам сеять надо...

Повариха направилась к другому трактору, а Груня, проводив ее взглядом, изобразила на железное сиденье плагу. Нахохлившись, она ждала, пока Поля Цейдевич, сменившая Акулину Губкину, тронет машину.

Робота с Полей, Груня не волновалась: их машина ежедневно перевыполняла норму, хотя Поля никогда не торопилась, не кричала и не ругалась, как Акулина.

Безмятежные ветры то и дело заставляли Груню вздрагивать. Ей хотелось, чтобы трактор поскорее тронулся с места, тогда она положит руку на рычаг, будет смотреть на лемеха и думать: когда дождик о хорошем, заблещет о колесе. Но Поля все еще возился в кабине... Может быть, вздремнуть на минутку? Ведь за пять часов она так натренировалась на своем плагу, что и сейчас еще чудится, будто земная комбайнщик под колесами.

Какое-то Груня действительно вздремнула, потому что, когда она открыла глаза, вспаханная зalezка из черной протренилась в серую. «Хоть бы скорее тронулась Поля».

Наконец мотор заревел, и маленькая прицепища снова закачалась на железном сиденье. Снова ветер и снег секли лицо и руки.

Когда загон кончился, Груня подняла рычаг и перевела плагу в транспортное положение, точно в рубежной борозде, она знала, что агроном Вера Стругова и бригадир Маша Флянова любят, чтобы у поля была ровная крайка.

На повороте, где пурга была не в лицо, а в правый бок, стало намного легче. Груня протерла глаза и отряхнула. От встречного ветра чокнулись колени, но на следующем повороте, когда пурга будет дуть в спину, она немного ототрет их.

Обратный путь почему-то всегда казался Груне выше короче, точно трактор шел под гору. Шняя под лемехами, отваливаясь, высасываясь в лозы, прицепища внимательно садилась за глубиной отреза и рельефом зalezки, то заглубляла, то приподымала лемеха. Ее пахота — ходя агроном с линейкой — была донельзя точна. Не зря же Груня Воронина ехала из Москвы на Алтай, чтобы пахать работала!.

Но это уже начинались мечты, и Груня спохватываясь мечтала она будет, когда снова поедет в северную пургу.

Поворот кончился, и снова ударил в лицо, заснежена, завывала пурга, точно бьется от злости, что не может сорвать с сиденья маленькую девушку с окоченевшими пальцами и салипсами от снега реснички.

Запустил плагу, Груня решает: «Теперь можно» — и отдается воспоминаниям.

...В памяти всплывают годы детства. Рано лишившись родителей, Груня жила вместе со старшей сестрой Асей. Разные дела были Асей. Груня работала, стремилась стать самостоятельным человеком, а Ася все искала случая удачно выйти замуж. Студью было за нее, но высказываясь о сужденной старшей сестре, от которой она всем замесала, Груня не решалась. Ася вышла замуж за студента, но вскоре развелась с ним, узнав, что он решил променять многобожную аспирантуру на скромное положение сельского учителя.

Когда Груня сказала, что собирается ехать на целинные земли, Ася стала ее отговаривать. Переписывалась они редко. В одном из последних писем сестра сообщила, что познакомилась с главным инженером какой-то промаршма. «Приди, он уже в атаке, но квартира из трех комнат».

— А ну ее, мешанку! — вслух произнесла Груня и махнула рукой.

Вперед двинулась лозинка. Груня заглубила лемеха и внимательно проследила за ними, пока дизель и плагу не выбрались на равнину.

— Довольно о Асей. И тут она не даст мне покоя... Мы построим здесь новую жизнь, в которой не будет места такой дряни».

От ветра и снега гораело лицо, а до поворота все еще было далеко. Казалось, трактор все движется.

Груня улыбнулась: «Буду думать о Саше... О Сашеньке!.. Что ты делаешь сейчас? Папешку или сменила?». Конечно, папешку, ты-то уж не будешь отживаться в вагончике. Вечером и обязательно напечешь себе Сашеньку, давай же!».

Груня уже не думала о медленно ползущем тракторе, забыла о ветре и снеге; она уже ничего не замечала.

— А какие у него удивительные глаза!.. Ни в кого в мире нет таких больших голубых чистых глаз!.. Ни у кого!.. Войдет в комнату — сразу как будто становится светлее...»

Груня зажмурилась, и тотчас, как по волшебству, перед ней возник высокий, плечистый Саша Фуртынь.

— Мы с тобой чем-то похожи друг на друга... Говорят, кому на ком жениться, тот в того и родится... А может быть, это кажется потому, что ты научил меня метать о хороним? Что бы и казалась, асли бы ты не научил меня этому, мимаш Сашенька?..»

— А вот и этот противный буторок. Вечно оно не во-время! — недольно прощептала прицепища и приподымала лемеха.

Стаю как будто немного тише... Нет, это Поля развернула трактор. Сколько времени мы кружимся по полю?.. Порой Груня кажется, что они пахнут уже одну ветку сиюна побурела.

— Теперь скоро! Не более двух кругов — и смена... Буду мечтать о новой, светлой-пресветлой жизни».

Груня попыталась представить себе эту жизнь.

— Мы, конечно, с Сашей вместе... У нас, как пишет Саша, своя «Победа». Мы оба водим ее, и я в белом плаще... Нет, это слишком мелко! Четверо в одежде, асли бы из трех комнат... Было главное, что и вся страна наша будет совсем, совсем инна: в садах, в цветах!»

— Гру-у-ий! — вдруг услышала прицепища крик Поля, всушнувшуюся лозинку. — Скоро переменя!.. Салипши, Груня!..»

— Да слышу, слышу, — отозвалась прицепища, нехотно расставаясь с мечтами. И как только ссытые образы, возникшие в ее воображении, исчезли, она сразу почувствовала, как продоргал и устал.

Груня огляделась: загон действительно кончился, оставался последний круг.

...

Перемена проходила под проливным дождем, но девушки будто не замечали ни дождя, ни ветра, ни трактора и сегодня первыполнили нормы.

Трактористки старой и новой смен смеялись, шутили. Но когда Груня Воронина собралась уже уходить, выяснилось, что прицепища застряла. Была бы по-сменную прицепищу из МТБ было невозможно: раскисли дороги.

— Я тебя подменю, Груня, — сказала Маша.

Если бригадир будет заменять каждую вышедшую из строя прицепищу,

надогаи он такого бригадир хвяти? — возразила Груня. — Ведь ее все только научил.

И, презвогая слабость, Груня занялась проточкой мотора, и отдала она молчаливо какой-то порядок строго соблюдался в бригаде.

Девушки ждали прихода агронома и учетчицы, которые должны были объявить результаты выработки за смену и определить качество. Но этот порядок строго соблюдался в бригаде.

— Кем бы подменить Воронину? — на-пряжено думала Маша. Груня, точно прочтя ее мысли, отворачивалась от работы и сказала:

— Я выдергу и вторую смену!

Поля и Маша с удивлением уставились на прицепищу.

— Нет! В такую погоду?!

— Нет! И не угадываешь! Разве я как-нибудь неженка? — Помочав немного, Груня добавила твердо: — В коммунизме, может быть, но не в таком еще боем прорываться дождю...»

— Видеть ты же свалившись с сиденья под лемехом! — перебила ее Маша.

— А я привыкнула, — с деланным спокойствием возразила Груня. — И не смею больше себя жалеть!

За серой сеткой линии показались две фигуры: это шла агроном Вера Стругова и учетчица Дуля. Вера была в прорезинном плаще с высоким острым капюшоном.

Отлично, девушки, потрудились! — похвалила она Полю и Груню.

Но сегодня Груня не отозвалась на похвалу агронома.

— Давать давай, залусак, нечего время терять! — с необычным возбуждением кричала она на замешкавшуюся сменную трактористку Риту Каурову.

Маша Флянова отговорила Вере Стругову не подходить, чтобы не мешала ей. Вера помолчала, подошла немного, как это она делала всегда в серьезных случаях, а потом решительно сказала:

— Если вылезаете добровольно, не надо уговаривать. Только сейчас же накормите Груню горячим, а я вот плащ шью на нее надену...»

Так прицепища Груня Воронина осталась в кабине на вторую смену.

— Подумешь, наплыв кисеиную барышню, — пророчила она, когда загудел трактор.

Струя ливня причудливо засверкала в лучах фар. Груня перевела взгляд на плагу, и снова лобная бурая зalezка, поднятая пятлю серебряными лемехами, попылала перед глазами.

...Утренню перемену Маша Флянова провела на полтора часа раньше.

Груня помогла ейти с плагу. Презвогая слабость, она трижды спросила учетчицу: — Ну как?

— Иди, иди скорее, а тебя повезу, — пригласила Дуля.

Кли и не спрашивая? — все так же тихо, но настойчиво повторила Груня. — Выполнили!

Дуля взяла прицепищу под руку и подвела к дрожкам; девушки просто засыпали на дрожки, дулово колонами.

Груня только крепко держалась за дрожки, чтобы не свалиться.

Когда приехали на бригадный полевой стан, девушки помогли Груню спуститься с дрожек и ввели ее в помещенье. Здесь было жарко, как баня, и Груня была озябна. Но глаза ее сияли от счастья. Подруги быстро раздели Груню. Катя Половина принесла дымящуюся миску кушана.

Но Груня отказалась от пищи и, делая обессиленными руками, поехала на печь, которую в шутку называли «Крым».

Девушки роптали подсады ее, но Груня покачала головой, словно улыбающуюся, и сказала:

— Я сама, сама, девушки, поеду в «Крым».

— Ужидать будет? — спросила Катя.

— Нет. Дайте что-нибудь подогреть. Девушки подошли подогреть, и Груня Воронина сразу точно провалилась в бездну.

СЕРОВСКАЯ СТАЛЬ

Фото А. Удальца.

Н очами над городом стоит огромное зарево. Оно колышется в морозном небе, приобретает то оранжевый, то фиолетовый оттенок.

Жители не обращают на это зрелище внимания: они привыкли. Но приезжий обязательно остановится и будет долго смотреть на причудливые столбы, отражающиеся в омках зданий.

Зарево поднимается от огнидающих доменных и мартеновских печей металлургического завода имени А. К. Серова. Здесь неуверенной лавой по желобам течет металл в ковши. Ежедневно тысячетонные составы, тяжело стуча на стыках, выезжают с заводского двора.

У печей, у прокатных станов трудятся горновцы, сталевары, прокатчики, мастера, инженеры... Трудятся вдохновенно, упорно. Близ ворот завода и в цехах висят плакаты:

«Основой силы и могущества социалистической экономики является тяжелая индустрия».

Серовцы знают: чем больше металла, тем больше машин, тем сильнее наше государство, тем крепче его оборонная мощь.

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА

..В мартеновском цехе на печи № 6 работают три друга: Николай Макаров, Анатолий Сергеев и Николай Галанин. Дружба молодых сталеваров возникла давно, еще в ремесленном училище.

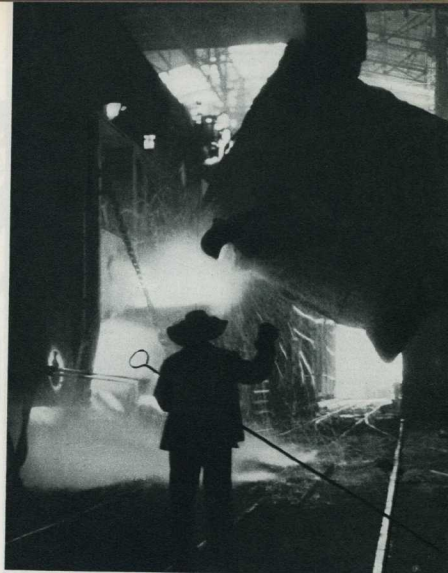
Шел 1942 год. Отступая под ударами Советской Армии, фашисты сожгли родную деревню Коля Галанина. Парнишке рано пришлось столкнуться с горем и нуждой. Но на помощь пришло государство: Колю направили в ремесленное училище в город Серов.

И вот он ученик группы сталеваров. В училище Коля познакомился и крепко подружился с Анатолием Сергеевым и Колей Макаровым.

Время было тяжелое. Не хватало рабочих рук. Лучшие производственников ушли на фронт. Ремесленникам приходилось заменять их: день учились, день работали у печей. Порой ребятам приходилось трудно, но они гордились тем, что станут сталеварами.

В этой профессии ремесленники вывели большую романтику.

Став подручными после окончания училища, юности добросове-

стно и упорно трудились, и это привело их к мастерству. Теперь они сталевары, смены бригады. Сами управляют печью.

ПОЧИН БРИГАДЫ НИКОЛАЯ МАКАРОВА

Жара у печей непомерная. Николай Макаров всматривается в кипящий металл, отблески которого играют на стеклах защитных очков. Во всем: и в поземоло-

дого сталевара, и в выражении его лица, и во взгляде — чувствуются сила и уверенность.

— Можно пускать, — говорит он подручным.

Бригада Макарова варит только высококачественную сталь и систематически выполняет задание. А ведь совсем недавно, когда Николай только назначили бригадиром, смена, которую он принял, не выполняла плана. Передовыми считались бригады его друзей — Сергеева и Галанина.

У Николая возникло стремление, во что бы то ни стало догнать и обогнать друзей. Он понимал, что ему придется приложить много усилий, но трудности никогда не пугали энтузиаста.

Подручным Анатолию Швердлеву, Виталию Гольману и Николаю Саливанову нравилась деятельность бригады. Он учил их ценить каждую минуту, требовал строго следить за всеми изменениями, происходящими в печи, добиваясь, чтобы каждый член бригады по цвету пламени и металла безошибочно умел определять температуру и качество стали.

Макаров и сам старался работать так, чтобы во всем быть примером для своих помощников.

Проходили дни, месяцы... Макаров начал обгонять Сергеева и Галанина. Чувство неудовлетворенности достигнутым, неустанное стремление совершенствовать методы работы, разумное использование опыта лучших сталеваров страны — все это дало возможность перевыполнять производственные задания.

О бригаде Макарова на заводе стали говорить как о передовой, а вскоре о ней узнали и на других предприятиях Свердловской области.

В цехе появилась «молния».

Анатолий Сергеев (справа) и Хао Цзинцэй у мартеновской печи.

Однажды после смены Макаров подошел к Швердлеву.

— Надо посоветоваться,— начал бригадир.— Ты, конечно, знаешь о почете комсомолец; изыскать неиспользованные резервы. Хорошее дело! Мы ведь тоже можем сыграть больше стали, если будем бороться за более скоростные плавки. Надо хорошенько посмотреть, какие у нас есть неиспользованные резервы.

— Давно пересмотрим старые обязательства и вызовем Галкина и Сергеева на соревнование,— предложил Швердлев.— Дружить — так уж дружить, соревноваться — так соревноваться.

Почти бригады Макарова был подхвачен всеми комсомольско-молодежными бригадами мартеновского цеха завода. Затем на него откликнулись и на Николае-Тагильском, и на Алапаевском, и на других заводах области.

ДРУЖБА НАРОДОВ

У мартеновских печей завода имени Серова обучаются мастерам сталеварения рабочие из Китайской Народной Республики. Вот двое из них — Хао Цзинцэй и Ян Цзун-гуй — подходят к молодому сталевару Анатолию Сергееву. Ловко загустив двухфазную «ложку» в печь, Сергеев за-

влекает ее, полную жидкого огня. Он льет металл на плиту, лежащую возле печи, и поворачивает. Илья Кулешов специальной лопаточкой берет пробу. Сергеев через переводчика объясняет китайским друзьям, как и для чего берется проба.

Учитель и ученики одного возраста. Но Анатолий — уже мастер своего дела. В 1953 году ему было присвоено звание лучшего сталевара страны. Китайские же товарищи только начинают осваивать эту профессию. Им хочется научиться плавить сталь по-ураальски — хорошо и быстро, чтобы у себя на родине, в Северном Китае, пользоваться скоростными методами русских друзей.

Опыт молодого сталевара первыми же на него посланцы Китая. В прошлом году Сергеев крепко поддружился с чехом Карелом Ржигой, прозводившим производственную практику на заводе имени Серова. Англичей помог Карелу во многом разобраться. Некоторое время спустил Карел Ржига, уехавший к себе в Остраву, на Новометаллургический комбинат, прислал Сергееву письмо с просьбой рассказать металлургам Чехословакии о скоростных методах плавки.

Сергеев написал. И вот однажды в цех привнесли международную бандеру. В ней оказалась номер газеты «Руде правде», в котором опубликовано письмо Сергеева. В редакционной статье указывалось, что опыт советского сталевара помогает чехословацким металлургам лучше трудиться, его метод скоростной плавки находит широкое применение на заводах страны.

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

Николай Галкин вышел из двorca культуры и направился на завод. Только что закончился занятия в школе мастеров, где Николай учится. В школе занимаются доменщики, сталевары, прокатчики, транспортники. Рабочих обучают лучше производственным. Эту школу мастеров окончил Ана-

толий Сергеев, здесь учился и Макаров.

Сегодня Николай Галкин решил прийти в цех пораньше. Уже очень интересовали его результаты работы бригад Макарова и Сергеева.

Николай окликнул начальника мартеновского цеха Петр Пименович Семеновича.

— Макаров-то обогнал и тебя и Сергеева,— как бы с упреком сказал он.

Совсем недавно Галкин добился рекордного съема стали с квадратного метра пода печи. Но соревнующийся с ним, Макаров вскоре достиг еще более высоких показателей. Макарова, в свою очередь, обогнал Сергеев: применяя скоростной метод плавки, он записал на свой счет 400 тонн сверхплановой стали. Тогда Макаров выдал 550 тонн...

Так, в дружеском соревновании, молодые сталевары неудержимо двинулись вперед.

Петр Пименович заговорил об успехах комсомольско-молодежной печи № 6, слава которой распространилась далеко за пределами области. В газетах много писали о бригаде Макарова, которая победила в социалистическом соревновании и завоевала переходящее Красное знамя Свердловского обкома комсомола.

Успехи молодежных бригад печи № 6 всколыхнули всех сталеваров. Мартеновский цех с каждым днем дает все больше и больше стали. Только в 1954 году выработано сверх плана много тонн.

Неустанно трудятся металлурги города, озаряемого яркими, жезлующающимися сполохами доменных и мартеновских печей, города, носящего имя заводского рабочего Анатолия Серова, ставшего замечательным летчиком, Героем Советского Союза. Они с гордостью льют сталь. Их сталь в годы Великой Отечественной войны помогла отстоять независимость нашей Родины. Эта сталь ныне делает нашу страну еще более могущественной и богатой.

Николай Макаров (третий слева) только что подписал договор на соревнование. Теперь его подписывает сталевар Николай Галкин.

ПОДРУГИ

Рассказ

Горе бывает разное: иное всего только за сердце ушибнет, скупою слезою источит, а иное такой страшной тяжестью, такой каменной глыбой прилетит на сердце — дышать становится нечем. Все, конечно, зависит от характера — крепко ли объемы ли ногами стоят человек на земле, далеко ли видит. Бывает ведь иногда, что выпадет горе по недню чуждому фундамента, и пойдет он все колесом, колесом, все вокруг жизни да около, а глаза у него станут пустыми, невидящими, и слова от самого расчужденного жалостности. Все дело в человеке: любит ли он жизнь, знает ли для чего живет.

У Нины Гайдашевой недостатка в подругах, в товарищах не было. Но самой близкой по праву считалась Вера Марчикина — синеглазая, смуглая красавица Верочка. Нужно прямо сказать, рядом с Верочкой Нина осмело бледнела, будто терла каку-то долю своей молодой обаятельности, хотя сама по себе она была удивительно милой девушкой. И к тому же та певица, так певица! На различных вечерах самостоятельности она неизменно завоевывала первые премии. Ее даже в один профессиональный театр приглашали.

— И чего так особенное вы нашла во мне? — иногда спрашивалась она от названного расхваливания подруг. — Если учу, хорошо, так беру участие, а оно потому, что ведь, девочка, хочется... Так петь хочется, что петь бы песни перелета!

— Талант у тебя, — замечала на это.
— Талант? — удивлялась Нина. — Что вы! Я всего лишь любительница. Для таланта нужен характер, а я в обморок падаю от одной капли крови, вскакиваю на стул, если увидю мышонка.

Да, в жизни Нина была очень тихим, даже робким созданием.

А вот Вера, самая близкая подруга Нины, — та была человеком совсем другого склада. Она не только машинистка, а даже торжестве в их совместную с Нинкой комнату в «спиритриальный» час комедантин встречала без смущения и обыкновенно выходила из разных переплетов победительницей. Такой у нее был острый язычок, такой характер. Для нее, например, ничего не значило, если не хватало стипендии до конца месяца. Для других — это трагедия, угрызение совести, покаянные слова, обещания исправиться, а для Верочки — как с собой голубчик дождик в поле. В таком случае она говаривала кому-нибудь из знакомых:

— Вот так штука, оказывается, и сегодня же обедать! Последнюю сотню потрастила на мороженое, на карпов, а о хлебе вышумом вовсе позабыла! — и с садом, при этом и сваталась ее ослепительно белые зубы, и разглагольствовала на смуглых щеках заборный румянец.

Когда Вера и Нина были еще на третьем курсе, а Вера влюбилась в выпускника техникума Вася Шевчук. До того Вася Шевчук им и кого не влюблялся, это было точно известно. Вася раз и навсегда помогал себе за правило не смотреть, как это делали многие его товарищи, в сторону девушки и старательно зубрила всякого выпуск «Правил товарищеской дисциплины». В такой-то погожий майский вечер, когда метается о чем-то восточном, прекрасном, когда хочется запеть, то беспринципно заглядывать (в восемнадцать лет такое бывает), — в

Рисунок П. Пинисевича.

этот-то вечер, в час ранних синевавших сумерек, Нина зубрила «Правила товарищеской дисциплины»! А Вера лежала на своей беспружинной студенческой койке и, внемного отогнув колени, смотрела на овец, смотря, как все туше плывет укая полосу небосвода на западе. Скупо становилось оттого, что вечер проходил совершенно бесцельно, и еще потому, что вот уже сутки, как она не могла ни с кем поделиться своей великой тайной. Но разве можно дальше терпеть? Ведь все произошло не в романе, а с ней, с Верой Марчикиной!

— Нина! — почти строгим тоном окликнула Вера подругу. — Слышишь?
Та сделала вид, что не слышит, но тонкие полукруглая ее бровей немолто дрогнули и чуть приподнялись вопрошающе.

— Нина! — повторила Вера настойчиво. — Да закрой же на минуту свою скупецкую книгу! Слушай, что я тебе скажу... И, посмотрев на то, что подруга попрежнему сидела над книгой, Вера рассказала обо всем и про все.

— Тогда в тот вечер удалась на славу. В скверике на сквещену и Вере подсека Вася Шевчук. Он перд этим был на каком-то заседании в райкоме и вид имел очень усталый. Он покачался, что всего десять минут тому назад получив выговор за слабую подготовку к летнему отпуску студентов. Беденький! Потом они пошли к реке, сели у самого обрыва и стали впуск мятнаты! Кто бы мог подумать: Вася Шевчук, этот завзятый организатор всяческих мероприятий, всегдашний хлопотун по обще-

ственным делам... и вдруг умеет мечтать! Он говорил и о звездах и о своей затанной цели когда-нибудь обязательно сойти в составе геологической экспедиции в обширнейшую страну Восточного Сааяна, — кто знает, может, ему суждено стереть хотя бы самое маленькое болотце пятно на карте родной страны? При этом издо торопиться, а то белых пятен выше раз-два — и обещал. И потом он еще сказал, что хорошо бы ему пойти в такую экспедицию с Верой — это могло продолжаться и месяц, и два, и три! И вдруг вынуженный вымова, он охотился на горных баранов, вместе овец ведут многочисленные сложные научные наблюдения, они открывают, допустим, еще один магнитный полюс... Потом Вася Шевчук немолто взял Веру за руку и сказал, словно это его оземлю:

— Вера... а ведь я вас люблю!
Сказал и поцеловал руку Веры и еще раз поцеловал.

— И поминешь, Нина... Вера села на кровати и звонко расхохоталась. — Я была такая эволюционная, такая эволюционная, в все же... пока он целовал мне руку, я успела рассмотреть, что у Василья на голове две макушки! Это что же выходит, по старым приметам, что у него будет две жезлы? Ну, такого я не допускаю!

Нина резким движением отодвинула книгу и, будто услышав только последние слова, недоверливо спросила:

— Ты что, замуж собралась?
— А для чего же тогда обещаться в любви? — искренне удивилась Вера. — Вот чудный!

— Ничего страшного, — отозвался тот. — Готовитесь стать матерью, а давайте к черту на кулички. Спускайтесь туда, где дороги гладкие, придет срок — рожайте, а потом можете забираться хоть на седьмое небо.

Нина и не заметила профессиональной грубости доктора, в ее ушах музыкаль прозвучали слова: «Готовитесь стать матерью. Придет срок...»

Как жалко, что не было рядом ни телефона, ни телеграфа.

Телеграмму Анатолию она послала через четыре дня, из первого же почтового отделения: «Жду сына, срочно возвращаюсь. Встречи!» Старуха, принимавшая эту навязчивую депешу, перечтала слова, старательно, короткими черточками подчеркивая каждое и, глядя на юную клиентку бледные ласковые глаза, улыбнулась:

— Поздравляю вас!
Через полторы недели, ступив на перрон своего вокзала и не отрывая взглядом Анатолия, она разочарованно вздохнула: значит, задержался на дежурстве или вызвали в трест. Ничего, они успеют увидаться завтра — послезавтра и тогда поговорить, тогда все решат, как полагается.

Почти никого из знакомых Нина не обнаружила и в молодежном общежитии, куда устроилась перед отъездом на Алтай. Да и некогда было развлекать знакомых, все время оказалось до предела занятым. Только через три дня, не выдержав омавления, она позвала Анатолию на шахту.

— А кто спрашивает? — ответил мужской голос.
— Я прошу Анатолия Владимировича, — несмело повторила Нина.

— Жена, что ли? — не унимался голос на другом конце провода.

— Да, — неуверенно согласилась Нина.

— А-а, здравствуйте, здравствуйте! — доверливо обрадовался ее нечаянный собеседник. К сожалению, Анатолий Владимирович до сих пор не поднимался на шахты... Обязательно придет, что вы беспокоитесь.

— Какой милый, обходительный человек! — благодарно подумала Нина. — При случае непременно позвоню. Но откуда он узнал, что это я? Конечно, Толушка не вытерпел и все разболтал. Жена!

В этот день она с особенным нетерпением ожидала Верещанина. Пришла в комнату, приготовила скромнейший обед, купила даже бутылку вина. Приблиз час, потом два... К этому времени Анатолий обыкновенно поднимался из шахты вниз к мойке, садил парад и... к половине четвертого, самое позднее к четвертому, он должен быть здесь, в этой вот комнате, и, конечно, в спешке он как следует не уместит, глаза у него, милье, меланхолические глаза будут в труппной каемке. Вот дуриной, до последнего часа не зная, что она в этот вечер.

Приблиз половина четвертого, потом четыре, а его все не было, а он все не ехал. К пяти Нина выжидала вдруг такое безразличие, такая слабость, что казалось, если и рукой не сможет двинуть. Но это продолжалось несдолго, так как сразу же мелькнула странная мысль: «А если несчастье какое? А она сидит и ждет?» Нина рванулась с места, выбежала на улицу, на дорогу к шахте. Теперь она ничего не замечала, кроме этой широкой, выщербленной между основных холмов дороги. А до шахты семь километров, и ни трамвая, ни автобуса, ни попутного грузовика. Сердце стучало так громко, что, кроме его глухих ударов, ничего не было слышно. И ноги становились все тяжелее, непослушнее... Вот навстречу идет шахтер... Да-да, это, конечно, шахтер: вдалеке узнаешь по неторопливой, но скорой походке.

— Товарищ! — окликнула Нина. — На шахте... все... благополучно?

— На шахте? — переспросил шахтер. — На восьмерке? Э-э, у нас сегодня больше чем благополучно! Обстояние переходные знамя завоевали! Вот как! Он улыбнулся во все свое куносное лицо и вдруг внимательно присмотрелся к бледной девушке с распухшими щеками, к горестному излому ее бровей, пристотелся, угадал за лихорадочным блеском ее глазатов-черных глянз почти несходной горе и потопительно отступил на дорожку, потупался.

Медленно, с трудом передвигая ноги, Нина поднялась на невысокую горку и села у сурово молчаливых мохнатых кедров. Думать ни о чем не хотелось. В мутноватом небе слыши два длинных серебристых облака. По дороге одица за другой прошли две машины. Со стороны шахты протарахтел мотоцикл и неподалеку остановился. Это не обрадовало и не встревожило Нину. Она только опустила горячие ладони на траву. Они только опустила горячие ладони от молотка по противоположному склону стали подниматься двое. У него такая знакомая разминшастая походка, он так знаком, чуть оторвавшись назад, несет свою русую курчавую голову. А кто это? Зачем бы спрашивать себя об этом? Нина даже отосада, издалека, не заглядывая ей в лицо, могла бы безошибочно сказать, какой ясный синий свет излучали глаза ситуации Верещанина.

Вот они подлизались на самую верхнюю холма, постояли, глядя, должно быть, на солнечный закат, и пошли дальше, срывались. А Нина все сидела, упершись горячими ладонями о землю, и над ней, как неподвижная стража, в суровом молчаливом стоили несколько сибирские кедры. Сколько вот так прошло времени — минута, час, может быть, больше, — но солнце еще не успело закатиться, серебристые облака не потухли, как влрду кровь прилила к лицу Нины, заплепала в ушах. В первое мгновение она не поняла, что

это, отчего. Она безотчетно напрягалась, как тонкая, до предела натянутая струна, перед глазами ее все исчезло... Через несколько секунд совсем истинно повторялся тревобательный, нетерпеливый толчок под сердцем.

Василий Шевчук, прижимая к груди букет осенних цветов, нетерпиво постучал в филенчатую красную дверь, подождал ответа и постучал истиннее. Ответа опять не было. Может быть, дома нет? Он легонько нажал на ручку, и дверь неожиданно поддавалась, открываясь. Беселезанные потемки наполнили небольшую продолговатую комнату. Будто кто-то в переднем углу вздохнул и вот вскинулся, а может быть, даже встал.

— Хозяйка дома? — спросил Шевчук и тут же затопился к дверной припюлке, делаясь выключателем. Сразу-то ничего не рассмотрел, пока глаза к свету привыкли, а потом, вымрив букет, вынулся вперед, вынул стол, отпавил нуд молотку стобурку и испуганно отступил назад. Нина. Она сидела прямо на полу, по-детски подогнув босые ноги, закрыв ладонями лицо.

— Нина! Нина! — позвал Шевчук, потупился, тронул ее за ладно и беспомощно оглянулся. Увидел бутылку вина, он в мгновение вышлор пробку, налил стакан и снова в угол.

— Нина, вынеш глоточек... Нина!
Она была проросла, коротко вздохнула, опустила руки и глянула на Василия широко открытыми сухими глазами. Он присел на корточки, распевавшая в дрожащей руке вино.

— Что с тобой, Нина?

Нина затряслась, посмотрела на него, словно узнать старалась. Наконец, лицо ее немного оживило, в глазах точечкой отразился огонек лампочки, занежисеа губы тронула медленная, вползающая улыбка. Голосом лоджик, как после болезни, она сказала:

— Прости, Вася, что так встречаю... Мне что-то плохо стало...

И тут же поддалась, даже не приняв руки Шевчука.

— Это же безразличие! — возмущался Василий. — Это черт знает! Ей плохо, и она не могла постучать к соседям! Я немедленно жеу за доктором! А ты ложись, ложись сейчас же!

— Нет, доктора как раз не нужно, — покочакала Нина головой, — присеа к столу, положила на белую скатерть руки. — Все прошло.

По тону ее Шевчук понял, что доктора действительно не нужно. Он подобрал букет, тоже присеа к столу и коротко сообщил, что два дня уезжает за географической экспедицией в Саяны, что пришел проститься, вот и цветы даже... Она должна извинить его, но он узнал сторону, что вернулась...

— Вася, — глядя в темное окно, прервала Нина Шевчука. — Посветишь как мне послезавтра оформить отчеты в Москву. Вызывают на конкурсные испытания в консерваторию. Мне, Вася, нужно обязательно уехать...

Шевчук долго ходил от окна к двери и обсертов, ходил, думал, подыскивая какие-то особые слова, чтобы успокоить девушку, и не мог найти. Да разве есть такие слова?

— Ты с собой везешь такие не знала? — спросил он наконец.

— Нет... Нина встретилась взглядом с Шевчуком. Глаза у нее теперь были ясные, почти спокойные и задумчивые. — Нет, Вася, я этого никогда и знать не хотела. Я ей думала, что такое может быть в нашей жизни.

Он опять прошлся от двери до окна и обратно.

— Значит, едешь? — Должна... Печень, Вася, не убеешь, а во мне есть эта печен, которая только ей нужна.

И еще... Есть для чего и для кого жить, так же как и у тебя, как у большинства наших людей... У-и, у меня, Вася, будет сын!

Улыбка, как робкий дрожащий утренний свет, озарила ее лицо, загляла трещинные огоньки в глазах, и руки на белой скатерти тоже оживили, шевельнулись.

— Вот что... — круто остановился Шевчук у стола. — Отвезди твой устрою, это я беру целиком себя. А сейчас, Нина, разреши мне стакан вина...

Прошло несколько лет. Верочка с Анатолием к тому времени почти спокойно жили на одной

Вечер

Будничный день стыхает.
Слушая его дышанье.

Скрытый такой, хороший
день будничный...
И весь он как будто в прошлом,
и весь он как будто в будущем.

Город окутается снежной —
площадки, дали, парки.
И у влюбленных над головой
две звезды ярче-яркие.

Дважды постояв рядом,
мы оба этого рады.

У тебe под глазами усталь.
Прекрасное это чувство.
Я счастья, мой родная,
что мы его близко знаем.

Ведь если нам зря труден,
значит, живем не зря мы,
и нас не напрасно люди
называют своими друзьями.

Умеем наш труд и тревоги
в радости превращаться
и приходит ко многим
частьицей большого счастья.

И эта вот усталь к кому-то,
завтра или через год,
президничной яркой минутой
обязательно в жизнь войдет.

Как входил к друзьям мы
привычно и просто,
как солнце — в глаза нам,
как в грудь нашу — воздух.

...Ты смотришь лучистым взглядом
на город в вечерней красе...
Он тоже ведь был когда-то
усталостью наших друзей.

Гудели наружнею племн,
стили руком
в холодной известке,
чтобы нам подарить этот вечер,
ласковый,
сний,
звездный.

Там и живем все мы,
влюбленные в нашу землю.
Полокь к локтю и взгляд во взгляд,
как законы ее велят.

Так коность проносим сквозь годы,
простор земной укрощая,
тайгай глухомань — заводям,
целинную степь — урочищам.

И нет ничего честнее,
чем жить в наших буднях кипуче.
Все прекрасной страна.
И с него
мы становимся сами лучше.

Седина злблестит в волосах,
но севая им, молодой:
— Колумнизм,
он вырост на наших глазах,
на наших руках, вернее.

И грустить нам причина нету,
день проведя будничный.
Он ушел, чтобы праздничном светлым
встретиться с нами в будущем.

из наших шахт и успели даже обзавестись собственным домком. Улицы, на которой утвердился их газастый светелый дом, называлась Веселая. И на самом деле, это была очень веселая горняцкая улица. Удивительный простор для глаз, для души открывался с ее высоты. Прямо на запад — речная долина, широкая, зеленая летом, матово-серебристая зимой, за долиной — горы, а за горами — снова горы, все дальше, сильнее, гребоватее, волнами, и уже где-то за ними, за самыми краями земли, каждый вечер садилось солнце. И все это было видно из окон верещацкого домка. А перед самым домом — небольшой сад, позади — огород, ну, и прочее, что положено для усадьбы.

Над всем этим пришлось-таки потрудиться засучив рукава Анатолию и... Нет, Верочка больше руководила строительством. Хорошо, предусмотрительно все-таки они сделали: к тому времени, как дом был готов, а в садике расцвела черемуха, судьба подарила молодому техникум двойню, двух сыновей — Только (по отцу назвали) и Володюку (этого назвали по деду).

Анатолий Владимирович за это время успел поработать на нескольких шахтах начальником участка. Все перебрасывали.

— Моего Толкушка все на укрепление бросают, — говаривала Верочка в первые полтора — два года.

— На каждого тоже не угодишь, — с досадой жаловался она потом. — У Толкушки určitый характер!

— Представьте? — сообщила как-то Верочка соседке: — Моего застаивают, как мальчишку, помышлять уровнем! Ужасно плохо! Какой, я спрашиваю, уровень? У него всего десять, отнесенная работа, а тут, извольте, садитесь за книжки. Нет, у Толкушки не такой характер, чтоб он по чему-то первому слову встал и побежал в классы. Во всяком случае, я этого не допускаю! Звание официальное имеет. Хахххх!

Самая Верочка тоже имелазвание техника-инженерница, но уже давненько не работала.

— С этим я успела после тридцати пяти, — смеялась она беззаботно, открывая ровные, освещенные белыми зубки.

Вернувшись однажды с дневной смены и заметив, что жена по привычке задумчиво смотрит в окно на широкую речную пойму, всю в зеленом кружеве лесов, Анатолий Владимирович с неудовольствием заметил:

— Опять лубоуемся сибирским просторам. А беда, наверное, холодный?!

Но Верочка против обыкновения не передернула раздраженно плечам, не потрясла головой, будто отгоняя муху, наоборот, она обрадовалась появлению мужа, подбежала к нему, схватила за руки, и такой стремительный разговор произошел между ними:

— Видел?

— Что?

— Ужас! Ужас!

— Да что такое?

— Ты шва по улице?

— Не по воздуху же летать...

— Но по главной?

— По ней...

— И ничего не заметил?

— Как не заметить! Дома стоят, люди ходят, машины туда-сюда... Пыллина!

— Ах, не то, не то! — вслеснула руками Верочка — Эту, как их... платити! Нет... Реклама, афиши... Да да, афиши!

— Афиши? — Анатолий Владимирович пожал плечами. — Чего ж их замечать, афиши — и только... Какой-нибудь «Гаран», десятая серия...

— Нет, нет, ты не говори! Не говори! — опять вскричалась Верочка и даже метнулась для чего-то ко кровати. — Вот какими бумагами метрочиваешься!

— Что написано?

— Фа-ми-ли-я! — по слогам выговорила Верочка. — Фамазия!

— Чья?

— Боже мой, как ты глуп! Да еel Eel! Гайдашевой!

— Нины? — теперь настала очередь Анатолия Владимировича метнуться по комнате, он даже не заметил, что в руке у него сапог. — Нины! Гайдашевой!

— Да, Ниинки! — подхватила Верочка. — Понимаешь, так и написано: Нииня — это поместье, Гайдашева — это урюк! Сопрано — сосем мекко. Сасеническое сопрано... Нет, комическое... Нет...

Забросив сапог на металлический курятник, Анатолий Владимирович раздраженно покряхтел:

— Веруешь, ты все путаешь...

— Путаю! — раздалось в ответ. — Я прожила с ней четыре года в одной комнате и не знаю, какое у нее сопрано?

— Лирическое!

— Я и говорю: лирической! Кто бы мог подумать, кто мог бы подумать! Закончить техникум, получить специальность — и в даруг старте пенсия!

— Не врудт, а после многих лет учебы.

— Все равно, это ужасно! Это смешно!

— Или ужасно, или смешно, что-нибудь одно... убийственно спокойным тоном возразила Анатолий Владимирович.

— А я тебе говорю, что это ужасно смешно! — настойчиво повторила Верочка. — Вот какая судьба тебе миновала!

После обеда, прибрав со стола, она как будто нечаянно предвинула:

— Может, съездем на концерт? Что особенного! Исполняются романсы Глинки, Даргомыжского, Чайковского...

— Не поеду! — коротко оборвал разговор Анатолий Владимирович.

— И ты правда, — согласилась его жена. — Нужно тоже иметь свою гордость, характер выдержать.

А поздно вечером, сидя у репродуктора, Анатолий Владимирович слушал концерт по трансляции из центрального шахтерского клуба. Вот оборвался, будто откатился вдалека прибор волкодакий, и знакомый, незаметный, светлый голос повел, плывя из своих широких, светлых крыльев тысячи человеческих сердец.

Анатолий Владимирович не заметил, как встал лицом к репродуктору, как до боли в суставах согнулся в замок пальцы. Он очутился только после того, как жена положила ему руку на плечо и с затанной тревогой спросила:

— Толь, у тебя ничего больше в ней нет?

— К Ниине? — Анатолий Владимирович долго молчало, словно подумывая слова, потом тихонько передвинул кудрями. — Я люблю ее... Я, конечно, был счастлив с ней. Но почему я от нее отказался, не пойму. Или у меня характер такой...

И тут Верочка впервые за их супружескую жизнь высказалась вполне открыто.

— У тебя характер?! — воскликнула она, и в голосе ее прозвучали торжествующие нотки. — Да у тебя же никакого характера нет и не было! Я просто перекачала тебя!

А из репродуктора анализ слова уже новой, приятной песни.

Так вот, рассказ наш был бы уместно закончить словами о счастье. А в счастье, между прочим, характер, да еще настоящий, тоже не обходимо, тем более, если счастье несерьезно и только-только, как молодой орех, собирается залететь навстречу ветрам, невзгод, солнцу.

Ведь в горных высотах жизни всякая погода случается!

«ПОЭЗИЯ — ВСЯ! — ЕЗДА В НЕЗНАЕМОЕ!»

Всегда ли мы помним эти слова великого поэта, неутомимого открывателя поэтической не заселенных тем, свежих образов и ритмов, а главное, новых глубоких мыслей и чувств? Самым ценным в поэзии для Маяковского была шаблон, графрат, штампы, то есть все то, что говорило об инерции мышления поэта, о пассивности и бесплодности как в языке и художественных средствах, так и в области тем и их решения.

Поэт-исследователь, требующий от каждого советского поэта творческого подхода к действительности, языку, только замечал:

Посудите:
судит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть).
А он
вытравивает,
иной булавкой из ила,
пустяк,
который полечит зарплатность.
Маяковский высмеивал поэтов, пишущих по шаблону: «Существо-

тельные: Мечты. Грезы. Народы. Пламя. Цветы. Розы. Савобы. Знамя... Прилагательные: Красное. Ясное. Вешний. Неудеший. Бездрожный. Мятельный.

Набор избитых слов, образов и рифм, из которых в несколько минут можно «собрать» стихотворение, к сожалению, еще не сдан в Литературный музей, им пользуются и сегодня.

Много лет назад некоторые поэты, как эстафетную палочку, передают их рук в руки, из стихотворения в стихотворение долюбившись им образы, мысли, сравнения:

Все измучало прохлады и воды...
Здесь замушени славыи сады.
(Назармат).

Степь дождалась воды...
Зеленотю... сады,
(Н. Грачев).

И на пугих большой воды
Возиниут города-сады.
(Г. Сангино).

От Волго-Дона будет здесь вода...
От Волго-Дона пархнет сады.
И брызнут соком спелые плоды.
(М. Львов).

Якутский поэт С. Васильев надевает воду даже способностью мечтать, быть «а ударе» и обещает ей, что она будет кашеюна на Дону поэта» за «естественную работу».

Естественно, что с обычным притоком в поэзию воды пышно и бурно расцветают сады риторики, которые приносят плоды скороспелые и бесплодные.

Поэт должен отличаться от своих собратьев по перу лица необычным выражением. Это отличие идет не только по линии языка; оно заметно и в выборе тем, и в приемах их раскрытия, и в ритмико-интонационном строе стиха, и во всей системе образов.

К сожалению, некоторых наших молодых поэтов рождает отсутствие своего собственного творческого лица, отсутствие индивидуаль-

сти, общая поэтическая инерция мышления, тематики, языка. В их произведениях отсутствует живой, произведений отсутствует живой, творческий человек. Его место занял некий лирико-эпический герой, существо бесплотное, неопределенное, созданное абстрактно-умозрительным путем. Это своего рода «механический рупор времени». Ему правды философский облик, он наделен той или иной профессией. Поэт одевает его в платье или пиджак и посылает в стихотворение. Но «герой» не живет и не действует, он только говорит, вернее, изрекает те или иные прописные истины таким скучным, казенным языком, как будто читает по заранее заготовленной шпаргалке.

Так, например, в стихах Назармат, Пулата Мумина, М. Икрамова и других поэтов, представленных в сборнике «Молодой Узбекистан», перед нами один и тот же лирический герой, который воздвиг

В НАШЕМ ЛИТКОЛЛЕКТИВЕ

Недавно на заседании литературного коллектива Дома культуры транспортных вузов в Москве пришли молодые поэты — студенты Литературного института имени А. М. Горького. Хозяева и гости читали свои новые стихи, возник оживленный обмен мнениями. Р. Рондественский и И. Мельничено рассказали о работе творческих семинаров Литературного института. Потом выступил участник литколлектива инженер М. Лисиенко, ныне заочник Литературного института.

Собравшиеся обсудили новые стихи А. Гришину, опубликованные в многотиражной газете Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина.

В одной из соседних аудиторий в это же время шло занятие драматического кружка Дома культуры. Здесь читали одноактную пьесу участница литколлектива Л. Стороженко «Солнечное утро», рассказывающую о людях новой Болгарии.

Члены литературного коллектива часто публикуют свои стихи, рассказы, очерки, фельетоны в многотиражных газетах своих вузов «Стальник» и «Экономист транспорта». Оживленная газетная работа увлекает их так же, как и участие в передачах радиокружка Дома культуры. В дни Второго Всесоюзного съезда советских писателей литколлектив готовится к передаче, посвященную этому важному событию в культурной жизни советского народа.

После защиты дипломных проектов молодые специалисты-транспортисты развешиваются на работу в разные концы нашей страны, но бывшие участники литколлектива не порывают связи с Домом культуры. В дружеских письмах они сообщают о своих производственных и творческих делах, присылают новые произведения.

Молодой инженер В. Филиппов прислал из далекого Алапаевска свои стихи. Они были тщательно разобраны на очередном заседании литколлектива. Подробный отчет об этом заседании был послан автору с горячими приветиями от всех участников обсуждения. Товарищи с радостью отметили, что в творчестве начинающего поэта вошли новые темы, подказанные самой жизнью.

В. ДЕМЕНТЬЕВ,

руководитель литколлектива Дома культуры транспортных вузов.

Очередное заседание литколлектива. Выступает Людмила Коляева, студентка IV курса факультета мотостов и гудиней Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина.

Днем и ночью кипит напряженная работа в Жигулях. Не за горами день, когда Кулобашская ГЭС даст первый промышленный ток. Гидростроители прилагают все усилия к тому, чтобы с честью выполнить почетное задание Коммунистической партии и Советского правительства.

Советский народ вооружил строителей могучей отечественной техникой. Мощные землечерпалки, гигантские шагающие экскаваторы, огромные автомосин-самосвалы и другие совершенные машины и механизмы позволяют строителям выполнять в сжатые сроки самые сложные и трудоемкие работы. На с н и м к в: портальные краны, установленные на бетонной эстакаде.

Фот. А. Гостев

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Рисунки П. БУНИНА
к диафильму по сказке
Х. К. АНДЕРСЕНА.

ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНИК

Кто из нас еще в раннем детстве не слышал сказок о приключениях стойкого оловянного солдатика и маленькой Дюймовочки. Кто не смеялся над глупым голым королем, который важно шествовал по городу в своем вооруженном новом платье, или над княжениной принцессой, которая, несмотря на десятки матрачей и перины, почувствовала лямочку под ними горошину. Кто не помнит безобразного утенка, превратившегося в прекрасного лебедя, или соловья, который отказался жить во дворце императора и полюбил золотую рыбку, чтобы жить для бедных рыбаков и других простых людей.

Создатель этих произведений — датский писатель Ханс Кристиан Андерсен (1805—1875 гг.). Он родился в провинциальном датском городе Оденсе. Сын сапожника, Андерсен с малых лет познал суровую трудовую жизнь, полную нужды и лишений. Он рано начал писать, но не скоро добился признания.

Перу Андерсена принадлежат стихи, драмы, романы, но мировую славу писателю принесли сказки, в которых проявились лучшие черты его дарования — гуманизм и демократизм. Эти сказки не только вершинами реализма в датской литературе XIX века, но и неотъемлемая часть сокровищницы мировой прогрессивной культуры.

Андерсен любил жизнь во всем ее многообразии и в сказках поэтически раскрывал красоту реального мира. Высоко ценил произведения народного творчества, писатель черпал в них свои сказки из фольклора разных стран, и в первую очередь из датского фольклора. На страницах его произведений оживали народные сказания, вставал поэтический образ Дании.

В сказках Андерсена отразились его наблюдения над окружающей действительностью, в которой царил «соловьян и денечная спесь», тупое, самовольное, ограниченное видение, враждебное всему прекрасному и талантливому, что выходит из народных низов. Мир «соловьян и денечной спеси» писатель изображал то с наивысшим юмором, то с горькой иронией. В лучших своих сказках он поднимался до социальной сатиры.

Все симпатии великого сказочника на стороне простых людей — бедных, смелых и благородных бедняков. Писатель с глубокой болью рассказывает об их бесправии и страданиях. Вспомним нищую девочку, умирающую в голодную ночь на улице от голода и холода («Девочка со спичками»), или бедную плетку, надорвавшуюся на непосильной работе («Простая плетка»).

Сказки Андерсена пропитаны верой в чудесные возможности человека из народа. Недаром в них простые люди побеждают враждебные силы не столько с помощью волшебства, сколько благодаря мудрости и мужественной решимости бороться за свое счастье.

Во многих произведениях писатель ставил важные социальные проблемы, изображал темное положение простых народа. Однако ограниченность мировоззрения, объясняющаяся общественно-историческими условиями, помешала Андерсену понять значение революционной борьбы народных масс. Он полагал, что социальное зло можно искоренить путем нравственно-совершенствования человечества.

Тем не менее Андерсен сочувственно говорил о «музе нового века», которая «несет гениальнейшую шапочку».

Писатель верил в творческие силы человеческого разума, в научный и социальный прогресс. Он осуждал салонное искусство для избранных и писал произведение прежде всего для демократической аудитории.

Андерсен часто читал свои сказки в датском «Рабочем союзе». «Я чувствую, как велика и священна миссия поэта, которому дана возможность говорить тысячам», — отвечал он.

Андерсен — поборник дружбы и культурных связей между народами — называл войну «отравительным чудовищем, которое питается кровью и пылающими городами». Он обличал многие страны и горько интересовался национальной культурой разных народов, неоднородно говорил о своем интересе к «целующей литературе» России.

Гуманистическое содержание творчества Андерсена ненавистно междоусобной реакции. В годы фашистской оккупации Дании гитлеровцы запретили его сказку «Злой юнга», направленную против жестокости воинственного тирана.

Бранди и Андерсену обнаруживают и американские реакционеры. Голливудские дельцы сострипали биографический фильм, грубо искажающий образ Андерсена. Американский киноактер Кэй, которому была поручена роль Сказочника, привез в Данию в реальных целях, позволив себе грубить над памятью Андерсена, в ласкал, взбравшись на памятник писателю в Копенгагене, валял дождевик в дожде-музе в Оденсе. Выходки Кэй вызвали в Дании бурю негодования.

Но тысячи полноты революционных сил исказить не сумели значение творчества Андерсена. Его произведение находит путь к сердцам народов всего мира. В СССР произведения великого сказочника выходили 183 раз на 32 языках общим тиражом около 7 миллионов экземпляров. Изданиями его сказок идут на сценки многочисленных театров.

Решение Всемирного Совета Мира — широко известное и авторитетнейшее со дня рождения Х. К. Андерсена, чьи произведения служат делу гуманизма и укрепления дружбы между народами — нашло горячую поддержку у всего прогрессивного человечества.

Юлиана ЯХНИНА

И вот раз в столицу приехали две обманщицы. Обманщицы говорили, что они знаменитые ткачи и что они умеют изготовлять чудесную ткань. Она отводит яриши красными и расшиты красивыми узорами.

Кроме всего этого, ткань обладает чудесным свойством: ее могут видеть только умные люди. Ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, этой ткани не увидит.

«Вот это хорошо, — подумал король. — У меня будет новое красивое платье», да вдобавок я узнаю, кто из моих министров умен, а кто глуп».

— Неужели я дурак? — прошептал министр. — Вот уж чего никогда не думал! А может быть, я не горююсь для своей должности? Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани.

Через несколько дней король послал к ткачам другого министра. Министр смотрел, смотрел, но ничего, кроме пустых станков, так и не высмотрел.

Скоро весь город заговорил о чудесной ткани.

Король пожаловал обманщикам ордена и удостоил их звания придворных ткачей.

А потом они стали шить новое платье короля иглами без ниток.

— Голый король! Голый! — вдруг громко закричал народ.

«Но что же делать — надо идти дальше!» — решил он. И голый король еще величавее зашагал под своим балдахном.

Среди студентов Московского авиационного института особенно популярен парашютный спорт. Юноши и девушки упорно овладевают мастерством, становятся спортсменами-разрядниками. И здесь и там: студентка Московского авиационного института парашютистка-первоурядница Мария Никитина.

Фото Г. Борисова.

С меня окончила. Вали Ларионова весь день ждала этой минуты. Она выключила станок и, вытирая ветшью руки, пошла к красному уголку, где собрались комсомольцы чека. Сегодня ее должны принимать в комсомол. Внешне Вали была спокойна, но, прежде чем войти в красный уголок, издала долго открыла косинку, волосы. Затем несмело открыла дверь.

В комнате Вали увидела многих товарищей по работе, с которыми уже больше года встречалась каждый день в цехе. Но Аля Калинин и Тоня Бруйцева, лучшие производственников, а вот Федя Сатаев, секретарь комсомольской организации, он первый дал Вале рекомендацию.

Секретарь заткнул заявления Ларионовой и, оглядев собравшихся, сказал:

— Я думаю, заслуживаю биографию.

Расказ Вали занял уже несколько минут. Что можно сказать о себе, в семнадцатый лет, родилась в деревне Воробьино, восточной Курганской области. Училась в школе. Тринадцати лет осталась без родителей. Переехала в Челябинск к сестре. Кудя пойти с четырьмя классами образования? Пришлось устроиться домашней в цехе. Но Аля Калинин, что для молодой девушки это не специальная, и пошла на автоматико-механический завод ученицей. Год работала на заводе. Сейчас станционка четвертого разряда. Вот и вся жизнь Валентины Ларионовой.

Комсомольцы дружно проголосовали за Валу.

Когда она вышла в коридор, к ней кинулся Вера Петрова, обычно бойкая и шумливая, а сейчас притихшая, с затененной тенью в глазах, и Оля Степаненко, одетая нарядно, словно на праздник.

— Ну как, Валечка? Приняли? — разом спросила они. Вали кинула головой и впервые за этот вечер улыбнулась.

— Ты подожди нас, не уходи, — попросила Оля Степаненко. — Нам сейчас тоже вызовут. Домой девушки шик вместе. И более чудесного вечера они не помнят. Даже звезды, казалось, блеснули ярче обычного.

С этого вечера и начался их дружба. Пережитые вместе волнения сблизил их, заставили посмотреть на все, что окружало их в цехе, дома, на улице, другими глазами, по-новому.

Вала, Вера и Оля работали токарями в одной бригаде, на соседних станках. Девушки не были похожи друг на друга ни внешне, ни характером и все же дружили. Их сблизило что-то такое, что стало важнее мелочей, заставляло уступать друг другу во имя большого, хорошего чувства, родившегося в тот вечер.

Попутти старались во всем быть не хуже других. И прежде всего в работе. Они выполняли не очень сложную операцию — обработку небольших размеров втулки. За смену полагалось обработать 2,300 штук. Это значило, что на каждую втулку следовательно затратить не более 10 секунд. Не выкашивая атак Вали Ларионова, что так много, что стоило вальнуть, чтобы деталь из патрона, вставить новую. И все это при 1100 оборотах в минуту!

Теперь, когда на валном костюме повисла комсомольский значок, ей захотелось работать еще лучше. Об этом она сказала подружкам. Так они стали соревноваться между собой.

Начальник участка Иван Васильевич Струнников, просматривая через несколько дней сводку, удивился:

— Что-то уж очень много у Ларионовой! На четвертую тысячу пошла. Да и Петрова тоже.

К Петровой он относился настороженно. Эта шумливая девушка не всегда серьезно работала, она могла сделать галочку, а потом поднять шум и сказать все на плохо налаженный станок. Правда, за последнее время подобные «фокусы» прекратились.

Следующим утром начальник участка стоял возле станка Петровой и поражался: через каждые 9 секунд выходила готовая деталь. Не выкашивая как обыкновенно атак Вали Ларионова, он удивился еще больше: казалось, сами выскакивали из станка. И все же иногда на какой-то миг ритм работы нарушался. Иван Васильевич заметил, что у Вали встопорился механизм движения, к тому же, видимо, она и устает.

ТРИ ЗНАЧКА ВАЛЕНТИНЫ ЛАРИОНОВОЙ

— Ты когда-нибудь спортом занималась? — спросил у Ларионову.

Вали отрезательно покачала головой.

— Жаль! При такой быстрой оценке важна координация движений, а у тебя ее не хватает.

После разговора с мастером Вали вспомнила, что Маша Волохова, лучшая физкультурница завода, недавно предлагала ей заняться спортом. Но на предложение Волоховой Вали тогда ответила уклончиво. Сейчас девушка гадалась: может быть, действительно заняться хоти бы легкой атлетикой?

После смелой, заверяя в газету тапочки, Вали пошла на стадион. Увидел ее, Маша Волохова удивилась и обрадовалась:

— Ну куда все-таки? Это хорошо! В первый день Вала решила только немного побегать, попрыгать. Но когда девушки побежали на 800 метров, она пристроилась к ним. После одного круга ей казалось, что она уже замедляется. Но Вала все же бежала дальше, у финиша сразу остановилась.

— Походи, походи, Ларионова, — услышала она голос Волоховой.

Вали приникала ходить, чувствуя, как удары сердца становятся все реже и спокойнее.

— Ну куда все-таки, оказывается, — сказала Волохова. — Другая не добежала бы...

Так Вали пробивалась к спорту. В августе на заводской спартакиаде она уже участвовала в беге, метала копье и диск, играла в волейбол. Вместе с Ларионовой на стадион приходили и Вера с Олей. Сначала они просто «бегали» за полдну, а потом и сами решили попробовать свои силы. Результаты показывали они необычно, но дело ведь не в этом. Девушки начали чувствовать себя бодрее, руки их становились крепче, проворнее, настроение всегда было хорошим, и работало лучше.

— Как-то в кресе сменил Валу выехали в профком и вручили президентский билет на собрание станковцев города Челябинска. Вала немного опоздала, передние места в зале были заняты, и она присела у самого входа.

На сцену, к столу, покрытому красной скатертью, поднялись один за другим станковцы. Им вручали награды. Вдруг Вали услышала слово фамилию...

— Это она! — воскликнула ли? Но нет! Назвали ее имя, отчество, место работы.

Она нерешительно поднялась и пошла к сцене. Оттуда-то из рядов незнакомый голос сказал:

— Не робей, дивчина! Подруги ее не спали, когда Вала вернулась с работы. На ее груди рядом с комсомольским значком сверкал значок

«Отличник социалистического соревнования сельхозпроизводителей».

— Быстро легли дни. Соседнюю рощу уже посеребрил иней, но Вала продолжала ходить на стадион. Если легкая атлетика и не пошла

был ей уже в какой-то степени знакомым, то к конькам и лыжам приходилось привыкать.

Однажды случился так, что вместе с Вали на стадион пришел новый комсомолец Ежур Митусов, завидный лыжник.

— Ну, что, Вала, покоришь на лыжах?

— Можно, только у меня лыж нет.

— Это мы в два счета организуем! — сказал Юри и убрал в кладовку выбрать лыжи.

Через несколько минут они вышли в поле. Юри свободным, широким шагом устремился вперед. Вали сразу стала отставать. Она что-то падала, но на второй стое метров, стараясь копировать легкие движения Юрия, пошла более уверенно.

Вала усталась, не заметила, как пролила поселедь Митусовского совхоза одну лыню и другую. Только на обратном пути она почувствовала, как с каждым шагом тяжелее становится лыжи, все труднее идти.

Вернувшись домой поздно. Пришла на самовар в раздевалку. Вала тогда не могла встать. Ни недоумевающий взгляд Юрия она виновато отводила:

— Я ведь первый раз на лыжи встала.

Вала улыбалась, но больше еще сильнее, но Вали молчала: она не умела жаловаться. Как только почувствовала себя лучше, снова пришла на стадион: хотелось научиться по-настоящему ходить на лыжах.

Ей нравилось скользить между деревьями, прислушиваясь к чужой зимней тишине, ощущать ветерок, покаявшийся щеки.

Через два месяца состоялся заводские соревнования. Вала была уверена, что именно она будет защищать честь цеха, но физкультурники, зная, что у Ларионовой нет опыта соревнований, решили пустить Алю Калинин: она опычнее, — а Валу оставили пока в запасе.

Было обидно. Вали рассуждала, что товарищи по-своему правы, но все же решила участвовать в соревнованиях вне конкурса. Как были удивлены заводские болельщики, когда увидели, что к финишу второй после Маши Волоховой пришла Ларионова!

Упорство всегда приносит успехи. У Вали их было немало. В прошлом году она ездил в город Молоков, где участвовала в соревнованиях на первенство Центрального совета ДСО «Трактор» и заняла третье место. Маша Волохова, занявшая восьмое место, от души подражала молодой спортсменке.

Когда Вали Ларионова вернулась на Моловото в Челябинск, подруги увидели на ее груди третий значок — «красноярский», с надписью «Первый разряд».

Сейчас Вала занимается в школе рабочей молодежи. Она поставила перед собой цель — получить высшее образование. И, кто знает, может быть, к грем значкам, которые расказывают о жизни простых девушек, прибавится еще один — университетский.

Н. ФОМИЧЕВ

г. Челябинск.

В свободное время Вали Ларионова тренирует новичков.

Фото Л. Скрипиченко.

БИТА НАКРЫВАЕТ ЦЕЛЬ!

Фото А. Сергеева.

Городки — одна из простых, но увлекательных спортивных игр. Ей, как говорят, «все возрасты покорны». У городских квадратов можно видеть и юного школьника и убеленного сединами академика. В различных местностях эта старинная русская игра называется по-разному: на Кубани — «летками», в Сибири — «крохмля», на Урале — «городинами».

Для игры в городки не нужно сложного оборудования: достаточно разбить небольшую земляную площадку и вырезать из дерева биты и городки.

На стадионах есть городочные площадки, оборудованные по всем правилам: квадраты залиты бетоном, точно размечены и обозначены деревянными рейками. Ближний и дальний конь, биты окованы металлическими кольцами, городки выточены на токарном станке. Здесь занимают «серьезные» городочкины — те,

сухо щелканье разлетающихся городочных фигур.

Мороз любителям городского спорта не помеха. На спортивных теплых костюмах, шапки-ушанки, меховые рукавицы. Пожалуй, городочкины столицы первые начали круглогодичные тренировки и соревнования. Теперь это стало традицией. Начиная с 1925 года каждую зиму проводится розыгрыш приза имени Советской Армии.

Стойкий селяволооский юноша, напоминая своей суховатой фигурой скорее атлета, чем городочника, неторопливо достал из брезентового футляра два аккуратно выточенные палки с металлическими оковками. Это был Александр Богданов, второй номер «Спартака» — знаменитый игрок. Он подождал, пока забойщик команды — старший игрок Виктор Павлович Дудяков — бросит последнюю битку, а затем размеренной походкой направился к дальнему коню.

Замах. Бита, совершив в воздухе полукруг, как выпущенная из

он, пятнадцатилетний парнишка, выиграл встречу у опытного городочника в Сокольническом парке культуры и отдыха.

Эта победа была случайной. Ведь Александр раньше играл в городки очень мало. Помогла ему, наверное, также и хорошая физическая подготовка. Богданов увлекался коньками, лыжами, велосипедом. После своей неожиданной удачи он здесь же, в Сокольниках, начал посещать занятия городочной секции.

Меткий глаз, твердая рука, хладнокровие — Богданов обладал всеми данными, чтобы стать городочным чемпионом. В 1950 году он уже установил свой первый всесоюзный рекорд.

Одним из учителей Богданова по городочному спорту был Виктор Павлович Дудяков, человек, увлекающийся городками свыше

были испытанные мастера-городочкины, в их числе оказались и Дудяков. Но и здесь ученик превзошел своего учителя и третий раз подряд завоевал красную майку чемпиона Советского Союза. Богданов внес еще одну поправку в таблицу всесоюзных рекордов: 30 фигур были выбиты всего 43 битами.

Техник управления дорожником — хозяином столицы Александр Богданов очень молод, ему всего 23 года. Надо надеяться, что его имя еще не один раз будет первым в списке мастеров городского спорта.

В. МАРЬЯНОВСКИЙ

для кого эта игра не случайное развлечение, не забава, а вид спорта, которому они отдают много часов своего досуга. Среди спортсменов-городочников есть люди, чьи имена известны всей стране. Это заместитель начальника листопроточного цеха завода «Серп и молот» Николай Александрович Цицинов, вальцовщик того же завода Петр Михайлович Строков, рабочий артеза «Металлист» Виктор Павлович Дудяков... Они неоднократно ставили рекорды, завоевывали почетные звания чемпионов.

«Положив зимний день кончить к концу. По беговым дорожкам московского стадиона «Динамо» легко скользили стройные фигуры конькобежцев, на хоккейных полях раздавалось постукивание клюшек. А с одной из площадок доносились глухие удары бит и

праци, полетела к цели. Она точно развинулась вдоль лицевой линии квадрата и подскочила «артиллерии» под «колеса». Городки верою рассыпались в разные стороны.

Пять городков! — зафиксировал судья.

Удачно играли в этот день и партнеры Богданова — сварщик завода «Красный богатырь» Тимофей Константинович Кузнецов, молодой гранитчик Иван Тимофеевич Исаев, токарь Борис Иванович Воронин. Когда стемнело и над площадкой загорелся яркое солнце, зрители тепло поздравили спортсменцев с победой.

«Победа!» Это слово всегда звучит радостно. Богданов хорошо помнит, какое огромное удовлетворение доставил ему первый успех на городочной площадке. Это было восемь лет назад, когда

тридцати лет. В 1952 году, когда Богданов установил рекорд страны в городочном «эмрафоне» — выбил 142 палочки 30 фигур, — Дудяков первым поздравил его. Этот результат на 4 бита превалил старый рекорд, принадлежавший Виктору Павлову.

В очень острой борьбе происходило в Воронеже личное первенство страны минувшего года. Здесь противниками Богданова

СОЗДАТЕЛЬ ПЕРВОГО В МИРЕ САМОЛЕТА

(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Ф. МОЖАЙСКОГО)

С давних времен люди мечтали о покорении воздушного океана. Мечты эти порождали сказки о ковче-самолете, о неседущих птицах с огромными крыльями, о путешественниках в далекие страны. Но прошло много веков, потребовались усилия многих поколений, прежде чем сказка стала былью.

Первые попытки теоретически обосновать идею полета в воздухе принадлежат Леонардо да Винчи, который изобразил на бумаге конструкцию летательного аппарата, приводимого в движение мускульной силой человека. Его проект не мог увенчаться успехом: люди еще не обладали знаниями, необходимыми для постройки такого аппарата. В более поздние времена ученые и изобретатели разных стран пытались осуществить эту идею. Но окончательное превращение ее в жизнь принадлежат русским людям.

Русские ученые М. В. Ломоносов, М. А. Рыкачев, Е. С. Федоров и особенно Д. И. Менделеев создали глубокие теоретические основы для решения этой проблемы. Русский конструктор и изобретатель А. Ф. Можайский построил первый в мире самолет.

А. Ф. Можайский, как и многие его предшественники, начал свою работу с изучения полета птиц. Он определил размеры крыльев и хвоста у голубя, вычислил и перенес на центр тяжести птицы во время полета. Тщательные расчеты позволили узнать вес голубя, приходящийся на единицу площади крыла, так называемую удельную нагрузку на крыло.

Позднее Можайский построил несколько больших змеев, на которых неоднократно поднимался в воздух. Однако эти попытки Можайский счел важной вывод из того, что «для возможности парения в воздухе существует некоторое отношение между тяжестью, скоростью и величиной площади или плоскости, и, несомненно то, что, чем больше скорость движения, тем большую тяжесть может нести та же площадь».

Когда условия полета были определены, изобретатель приступил к постройке модели. В отличие от работ своих предшественников модель Можайского при первом полете показала хорошие результаты: она летала, имея на себе такую нагрузку, как офицерский кортик. В газете «Крошительский вестник», в статье, посвященной работам Можайского, говорилось: «Опыт доказал, что существование до сего времени предвещения к плаванью в воздухе, блестящею победою нашим давным соотечественником».

Изобретением А. Ф. Можайского заинтересовался Военный министр. Специальная комиссия отметила, что «г. Можайский в основание своего проекта принял положения, признаваемые ныне за наиболее верные и способные повести к благоприятным конечным результатам. По предложению комиссии изобретатель разработал программу дальнейших исследований, а Военное министерство ассигновало 3 тысячи рублей на их проведение.

Однако сокращения через год новая комиссия забраковала проект самолета и вела предложение о прекращении субсидирования научных работ изобретателя. Все это проводилось, очевидно, не без участия агентов иностранных генеральных штабов. Как свидетельствуют документы, один из членов комиссии полковник Вальберг, в течение последующих двадцати лет внимательно следил за ходом работ Можайского, пытаясь всячески помешать ему.

В ноябре 1881 года Департамент торговли и мануфактур выдал капитану 1 ранга А. Ф. Можайскому привилегию (патент) на самолет, в которой указывалось, что «на сие изобретение прежде сего никому привилегии выдано не было». Таким образом, ценность проекта летательного аппарата и его оригинальность были официально подтверждены. В том же 1881 году по рекомендации друзей из Морского министерства А. Ф. Можайскому удалось выехать в США и Англию для размещения заказа на изготовление простейшего гидросамолета к самолету. Вернувшись из-за границы,

А. Ф. Можайский в докладной записке на имя министра двора графа Воронцова-Дашкова просил о выдании ему 5 тысяч рублей на сборку и окончательные пробы самолета в натуральную величину. Все необходимые части и агрегаты самолета уже были изготовлены. Однако царское правительство отказало в деньгах. Тогда А. Ф. Можайский продал свои личные вещи, занял деньги у друзей и знакомых, по натуре работу закончил.

Летом 1882 года на военном поле в Красном Селе, под Петербургом, состоялся испытание самолета Можайского. Здесь был совершен первый в мире полет сохранившихся исторических рассказывают об этом следующее: самолет, разбежавшись по земле и получив определенную скорость, поднялся и пролетел небольшое расстояние. Потом начал крениться и опуститься; при спуске было повреждено крыло машины и механик, подымавший на самолете, получил увечье. Возникла новая проблема: нужно научиться управлять самолетом.

На решение этой задачи ученые и изобретатели потратили более четверти века. Самолет Можайского имел все пять частей, которые есть и в современном самолете: корпус, позднее получивший название фюзеляжа; крылья; или несущие поверхности; силовая установка — авиационный двигатель и воздушные винты; оперение — рули, высоты и поворота; устройство для взлета и посадки — тележка с амортизатором, получившая в дальнейшем название шасси. Впоследствии в конструкции отдельных частей были внесены существенные изменения, но значение каждой из них осталось то же. Сам А. Ф. Можайский после первого испытания проектировал второй, более усовершенствованный самолет с новыми двигателями. Смерть оборвала творческую деятельность русского ученого-патриота, отдавшего тридцать четыре года своей жизни покорению воздушного океана.

Научно-исследовательская деятельность А. Ф. Можайского и ее результаты были продолжены русскими учеными и изобретателями. В России были созданы такие оригинальные конструкции самолетов, как «Русский

визит», «Илья Муромец», гидросамолет Д. П. Григорича, вертолет Б. Н. Юрьева и другие. Тесная связь авиационной науки с практикой проектирования определяла во многом успех работы. Наряду с именами известных ученых и конструкторов — Н. Е. Жуковского, С. А. Чаплыгина, К. Э. Циолковского, С. С. Нежданова и других — необходимо упомянуть и первых русских летчиков: П. Н. Нестерова, Е. В. Руднева, К. К. Арцеулова, А. А. Васильева, Г. В. Алевихина и многих других.

Русские ученые, инженеры, изобретатели, пилоты, несмотря на то, что им приходилось работать в трудных условиях царской России, внесли неоценимый вклад в мировую историю авиации.

После Великой Октябрьской революции для развития деятельности авиационных конструкторов, инженеров, изобретателей открылись, неограниченные возможности. В первые годы Советской власти по указанию В. И. Ленина были созданы Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) и Академия Воздушного флота.

В 1931 году IX съезд ВЛКСМ выдвинул шефство над Воздушным флотом СССР. Большой калейдоскоп «Комсомолен — на самолете!» привлек десятки тысяч молодых патриотов.

Замечательные качества советской авиационной техники и ее кадров были убедительно продемонстрированы в годы Великой Отечественной войны. Тысячи комсомольцев за отвагу и подвиги были награждены орденами и медалями Советского Союза. Воспитанники Ленинского комсомола Александр Покрышкин и Иван Кожубов трижды удостоены звания Героя Советского Союза.

Тысячи молодых инженеров, техников трудятся под руководством выдающихся советских конструкторов — А. Н. Туполева, А. А. Архангельского, С. В. Ильинского, В. М. Петлякова, А. А. Яковлева, А. И. Микояна, С. А. Лавочкина, В. Я. Ковалова, А. М. Люльки — и создают лучшие в мире самолеты и двигатели. Они добились выдающихся успехов в области отечественного многороторного и реактивного самолетостроения.

Близкой перспективой в развитии авиации являются космические межпланетные сообщения, использование атомной энергии для полета со скоростями, значительно превышающими скорость звука.

В одной из своих докладных записок А. Ф. Можайский писал, что он желал бы всего своему отечеству и трудился не для своего личного интереса, а для пользы государства и что только это давало ему силы для преодоления препятствий, встречающихся на его пути. Мы, советские люди, не знаем таких препятствий. Любые начинания, направленные на благо любимой Отчизны, все государственные смелые дерзания всегда находят поддержку и помощь у нашего народа, Коммунистической партии и Советского правительства. Будем же смелее летать, как дерзал Можайский при проектировании и постройке первого в мире самолета.

Н. ЧЕРЕМНОВ,
инженер-полковник.

ПЕСНИ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

Вместе с ним,
с верным другом своим,
бродит солнце кругом
и вдоум,
как с дружином
под змелымном,
входит в дом...

Входит в дверь, не стучась,
входит в вандый покой,
чтобы звать каждый час,
что Париж — все такой!

Здесь всегда
есть шифер-мародер.
Он заводит мотор,
и везет без стыда
вас совсем не туда —
не беда!

А в кафе
там новедомо кто
пыт неведомо что
и, махая рукой,
говорит сам с собой
целый день.

А река —
у нее там и здесь
тоши вечные есть,
и в нее влюбленные
и глядят вглубь волны,
в облака...

У реки
есть жимыч-старик
в бедном платье простом,
что живут под мостом,
умирая погон
у реки...

А нине порой,
что в тоске извелась,
с моста пригвозд визит,
чтобы уснуть под водой.

Но река —
ей мильей
пестрых лодок ряды,
тех, что ветра быстрой,
вдаль по гладью воды,
как толпу кораблей,
мчит река...

О Париж,
где в милье-кине дни
всюду плешек огни
и под аккордеон
пляшет каждый район —
весь народ

с той норм,
как, Бастилия зван,
каждый год
он бедет
зуровой ручейкой,
у завстав.

И сто тысяч парней
и сто тысяч девчат
в блиске ярких огней
все кружат и кружат,
и поет,
нарушая полночную тишь,
весь Париж!

Старый скрипач

Старый скрипач перелуком бредет,
рядом с ним пес его верный идет,
С зависти смотрит старик сквозь очки,
как пес перелурывает ручейкой.
Струйки с футляра стекают, журча,
струйки бегут по спине скрипача,
и он, от холода трепеща,
закупался в равные складки плаща...

В тумане не видно ни зги, хоть плачь,
и Мосту искусств подходит скрипач.

Он молвит Сене: «Мм тут вдвоем,
дай на ночь метелью нам в русло твоём!
И добрая ночь, наклонись над ним,
его прикрывает плащом своим...

Старый скрипач идет на покой
по скользким ступеням над сонной рекой.
Не знает он счастья, не видел любви,
хоть людям поет о ней песни свои.
Влюбленные слушают венья слышача,
друг друга намочив касаясь слезача,
и, вспоминая сон золотые денечки,
случается, горько всплывают старички.

Старый скрипач уснул над рекой,
прижавшись к собаке, уснул под мостом.
Все скрипки ночей, убавок его,
играют теперь для него одного.
Но вы, что проходите мимо сейчас,
идите тихонько — ведь поздний час!

Старый скрипач уснул над рекой,
прижавшись к собачьей морде щечкой.
В амир светлых видений ушел старик,
и в сердце всталая звезда горит...

Французский солдат

Цветок на штаны — и в бой пошел солдат,
и сердце бьется с барабанами в лад.
Идет он за серпантом бравады след —
он полон сил, ему лишь двадцать лет!

Когда солдат идет на смертный бой,
желт маршала в шинке несет с собой.
Когда ж идет в войну в свое юное,
в его мешке лишь грязное белье...

Ему гибель суждена
в гуще боя,
в гуще боя...
Уш! Шутка не смешна,
ни к чему нам вся эта война!

Солдат вышел на перрон —
покидает он
тут, в кого влюблен.
Глядит хмурый небосклон,
как ползает на фронт
длинный зешлон...

Солдат смерть свою найдет
в гуще боя,
в гуще боя.
Война на барабь плочет —
барабан зовет в поход!

Когда солдат уходит воевать,
цветы ему несут жена и мать.
Когда же домой приходит он с войной,
нет ни цветов, ни песен, ни жемч.
Живым пришел назад —
пусть будет радост
Чего ж еще!

Дорога олив

(Испанская песня)

О! Эти рощи рвал были,
но бегут лишь ветры пали
дорогою оливы...
Пусть же тот, кто иначе жил,
вспомнит кровь,
муку и проклятия,
подаяв тысяч наших братьев,
что в грозный час
пали жертвой в бою
на дороге оливы,
путь к свободе пролома
для нас...
О подаете ж вы,
помят каждый,
кто жил!

Париж

О Париж,
где так сладко весной,
где каштанов цветит
и влюбленным брести
вдоль реки, над волной,
под лунной...

О Париж,
где над сотнями крыш
от утра до утра
увлекают ветра,
сблизжают ветра
фильера...
Ветерок запоет
и летит без забот
здесь и там,
по доскам,
по чудесным местам —
свилов Париж.

ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ!

Рассказ

Лето 1932 года.

Это была его первая попытка заняться торговлей. Правда, пока только комиссионной. Однако деятельный человек всегда сумеет добыть деньги. А разве он не был деятельным человеком? В мастерской он был лучшим учеником-механиком, а в двадцать пять лет никому не уступал в своем ремесле. Но тут совсем не стало работы...

Он постучался уже в четыре дома, но нигде ему не удалось даже закончить аступительную фразу, предлагая свой товар. Двери тотчас захлопывались: «Нет, пока не надо, благодарю вас».

Теперь он постучался в пятую дверь и стоял, прислушиваясь, лет ли какого-нибудь движения внутри дома. Ничего не было слышно. Вероятно, никого нет. Его охватило сильное желание уйти. Но он подавил его усилием воли и постучал снова. В прихожей послышались шаги. Он быстро принял услужливо-почтительную позу и ждал, крепко сжимая ручку своего чемоданчика. Его губы беззвучно шептали парную приготовленную им фразу.

Дверь приоткрылась примерно на одну четверть. В образовавшейся щели, как в раме, показалась лицо женщины лет тридцати пяти с шапкой темных вьющихся волос. Он прочел смущение и отказ в ее глазах и понял, что она сразу узнала в нем бродячего торговца.

Он снял шляпу.

— Добрый день. Я представляю... фотоальбом. Наше ателье устраивает конкурс на лучшую увеличенную фотографию. Мы собираем участников со всего Норд Перта...

— Простите, пока не надо. Благодарю вас. — Она хотела закрыть дверь, но тут он спохватился и быстро просунул в щель носок своего башмака. Она взглянула вниз, затем на него, очевидно, надеясь, что он уберет ногу. Но он не убрал. Хозяйка мастерской сказала: «Только не давайте им закрыть дверь. Если они захлопнут дверь, — все кончено для вас. Придержите ее ногой и продолжайте говорить». Вскоре они заинтересовались и открыли ее пошире.

— О, я ничего не продаю, — сказала он постыжнно, — это конкурс — вот и все. А вы подумайте, что я что-то продаю! — Он улыбнулся.

Она не ответила. Взгляд ее не вызвал никакого интереса.

— Я ничего не продаю, — повторил он. — Как я уже сказал, это только конкурс. Я хотел бы рассказать вам о нем. Это конкурс на лучшую увеличенную фотографию, которая лучше всех поддается увеличению. Победивший владелец фотографии получает увеличенный снимок бесплатно. Мы прекрасно выполняем работу. Можете, вы хотели бы посмотреть образец?

Он ждал. Как неубедительно звучали его слова! Женщина, наперво, заметила, что он очень волнуется.

Рисунок П. Вуинна.

— Вряд ли мне это будет интересно.

Дверь приоткрылась чуть пошире.

— Право, это займет всего одну минуту.

Она еще колебалась.

— Ну ладно, покажите.

— Вот очень милая фотография ребенка. И притом цветная. — Он говорил, раскрывая застёжку своего чемоданчика. Затем, как будто для того, чтобы ей было лучше видно, отступил назад и поставил открытый чемоданчик себе на колено.

— Вот, пожалуйста. Хорошая фотография, правда?

Снимок был сделан в три четверти натуральной величины. Фотография в овальной рамке была прикреплена к крышке чемоданчика.

Женщина воскликнула: — Какой прелестьный мальчуган!

— Правда, милый?

— Да, очень. И вы всегда их так раскрываете?

— Да, увеличиваем и раскрываем. Они выходят у нас совсем как живые. Посмотрите, как хорошо сделаны волосы, как тонко переданы различные оттенки кожи. У нас, конечно, работают только

лучшие мастера. И знаете, этот увеличенный снимок гораздо лучше фотографии, с которой он сделан. Такой снимок вы можете смело повесить на стену, и вам всегда будет приятно смотреть на него.

— Да, — согласилась женщина, — он очень мне нравится. Он подумал: «Может, удастся продать ей один? Как бы войти к ней в дом? Она вышла на крыльцо. Это была женщина небольшого роста, полная, в фартуке. Рассматривая фотографию, она то приближалась к ней, то отступала на шаг, чтобы лучше рассмотреть, и приговаривала, улыбаясь:

— Право, очень милая картинка.

Он поднял руку, чтоб защитить глаза от ярких лучей солнца.

— На улице солнце слепит глаза. Вы не сумеете здесь хорошо рассмотреть фотографию. Можете мне войти на минутку?

После паузы она ответила:

— Как хотите.

Входная дверь четырехкомнатного коттеджа вела в гостиную. Он вошел вслед за женщиной. Когда она прошла вперед, чтобы поднять штору, он огляделся. На камине стояло несколько любительских фотографий в рамках —

детей и взрослых, наверно, членов семьи. Но у него не было времени рассмотреть их. Подойдя к столу, он поставил на край свой открытый чемоданчик, затем обошел его и направился к тому месту, где стояла женщина.

— Да, вот это — правильное расстояние. Обратите внимание, мы делаем снимок выпуклым, чтобы все подробности четко выделялись.

— А я как раз думал: зачем вы делаете их такими выпуклыми?

— О, это очень важно. Очень важно. В нашем ателье, как я говорил, много крупных специалистов. Все их работа — это высший класс. — Он обвел комнату глазами.

— Может быть, у вас найдется картинка, подходящая для нашего конкурса? — Он подошел к камину и внимательно осмотрел одну за другой все фотографии. Выбрал картинку девочки лет трех, сидящей на качелях.

— Это ваша дочурка?

— Одно из моих дочерей. У меня их трое. Это самая младшая.

— Трое детей? Это замечательно!

— Да, это Сэлли. Ей скоро будет три года. Диюни уже шесть, а Кораль — восемь.

— Вот как!

Он вынул из кармана маленькую лупу и посмотрел в нее на картинку.

— Я смотрю, что получится, если ее увеличить, — сказал он. Прекрасно. Прекрасно. Посмотрите на через это стекло. Видите, как все мелкие черточки около носа и глаз кружева на платье становятся четкими и красивыми. Это очень хороший снимок. Я не часто встречал такие снимки. Вот взгляните на голову. Вы можете различить почти каждый волосик. И ведь вы смотрите в простую лупу. А представьте себе, как получится, если смотреть сквозь линзу в нашем ателеу. У нас большие призматические стекла. Дайте мне взглянуть на другие картинки.

— Не трогай их, он, прищурившись, осмолер каждую в лупу, говоря при этом:

— Неплохо. Нет. Из этой вряд ли что-нибудь получится. А эта, пожалуй, могла бы выйти. Нет, право, по-моему, вот этот снимок вашей младшей дочурки лучше. Смотрите ли, для конкурса мы отбираем только самые лучшие. Мы не берем, что поплоло. Но вот этот... Уверю вас, я давно не видел подобного снимка.— Он снова, вооружившись лупой, посмотрел на него с восторженными восклицаниями.— Снимок прямо просится на увеличение. А она такая прелестьная малютка. Вы и сами, наверное, так думаете.

— Да, она слабая девчушка. И картинка очень удачная. Приятно иметь много картичек. Вы можете смотреть на них и вспоминать, когда дети уже вырастут, правда?

— Он подумал: «Это, кажется, лучший доклад, какой я мог бы найти». Он сказал:

— Вот именно, вы совершенно правы. А теперь представьте себе, насколько выиграет эта картинка, если ее увеличить! Подумайте, какой она станет, если ее увеличить и раскрасить так же, как ту. Или с самым делом будет очень хороша. Разве вы не согласны со мной?

— Да, мне очень нравится та картинка. И вы думаете, что картинка Салли получится так же хороша?

— Даже лучше. Я сказал вам: это лучший снимок из тех, что я видел.— Он подумал, не посмотрит ли ему на еще раз в лупу, но решил, что и этого довольно.— Даже лучше,— повторил он, но тут же с тревогой почувствовал, что не может придумать, что бы еще сказать. Необходимо было добавить еще что-нибудь и вынуть его такое желание увеличить эти снимки, чтобы она согласилась заплатить и сделать заказ. Салли говорила о заказе мажорской. Он совершенно забыл. Тщето подыскивал он слова, которые направил бы его, помогали бы продолжить разговор и вызвать больше заинтересовать ее.

— Она сама вырнула его: — Вы правда думаете, что картинка Салли выйдет лучше всех?

— О, безусловно, — безусловно. Я ведь сказал вам, что мы отбираем только самые лучшие. Тот, кто выиграет, получит увеличенный снимок бесплатно.

— Она взяла картинку и посмотрела на нее гораздо внимательней, чем прежде.

— А когда вы узнаете, кто победит?

— Ну, это, вероятно, будет известно через несколько месяцев.

— А-а! — Она была разочаро-

вана.— Несколько месяцев, а потом ведь она может и не выиграть, правда? — Конечно, это может случиться. Но у нее много шансов, я уверен. Просто, вы знаете, я хочу, чтобы вы были готовы и к этому.— Он улыбнулся.

— Вот это-то меня и смущает,— сказала она.— Вы никогда не знаете наверняка, правда?

— Ну, конечно.— Каждый нерв у него был натянут, как струна, когда он собрался с духом и про-

— За один такой увеличенный снимок с естественной окраской, вышуклой поверхностью, с оплотой всех почтовых расходов, за все, — за все, — только два фунта.— Затем, как будто стараясь искупить какую-то вину, попытался объяснить: — Но вам не надо платить всей суммой, когда вы делаете заказ. Сейчас надо внести всего десять шиллингов задатка, а окончательный расчет будет только через три месяца. Видите, вам не надо вносить два фунта сразу.

должал: — Однако, если вы уже решили, если вы действительно хотите увеличить картинку, я могу взять у вас заказ.

— Он удивился, что женщина ни разу не взглянула на него подозрительно или враждебно. Вместо этого она только спросила:

— Вы принимаете и заказы?

— О да, мы принимаем заказы. Как я говорил, если вы желаете получить такую картинку, вы можете сейчас же сделать мне заказ. А ваша фотография все равно пойдет на конкурс. Если она выиграет, вы получите обратно ваши деньги.

— Сердце его колотилось. Его ладони стали влажными от пота. Он думал: «Спокойся ты, ради Христа! Ведь она может заметить». Он сказал:

— Просто стыдно не увеличить такого снимка. Уверю вас, вы должны согласиться со мной.

— Она снова посмотрела на картинку.

— Да, она вышла бы хорошо. Да, мне хотелось бы ее сделать.

— Так почему бы вам не дать мне заказ? Можете не беспокоиться, все будет в порядке.

— Теперь женщина взглянула на него. Глаза ее смотрели искренно и доверливо. Ему почему-то стало стыдно.

— Но сколько это будет стоить? Теперь она, наверное, не согласится. Но ему все равно придется сказать. Что говорил ему хозяин мастерской? Он начал:

— Она сказала:

— Я так и думала, что-нибудь в этом роде... —

— Это неожиданный ответ совершенно спугнул течение его мыслей. Он готовился встретить решительные возражения. Теперь его охватило странное безразличие. Неожиданно для себя он сказал:

— Я полагаю, вы найдете, что этот снимок хорош.

— Нет, не в этом дело... —

— Он ждал.

— Но я не могу себе этого позволить.

— Неужели вы не можете позволить себе потерять десять шиллингов? —

— Вот в том-то и дело. Не могу. Мне очень жаль, что я доставляю вам столько беспокойства.

— Не думайте, что вы пожалеете об этом. Представьте себе, что придет десять лет. Как вам будет приятно иметь увеличенный фотография маленькой Салли.

— Она задумалась, глаза ее смотрели нерешительно и смущенно.

— Да, я знаю. Я бы очень хотела. Но я не могу. Право, я не могу. Видите ли, мой муж без работы. Уже несколько месяцев.

— Ему нечего было сказать. Женщина смотрела на него вопросительно, как будто сомневаясь, и утратила весь свой пыл. Продолжать было бесполезно. Он небрежно забрал свой чемоданчик со стола и захлопнул его. Ему сразу стало как-то легче. Он спросил:

— Значит, дела идут неважно?

— Женщина смотрела, как он заирет, как разозлившись, как и он сам. — Она сказала вознивающим голосом:

— Знаете, мой муж уже почти год без работы. Честное слово, мы не можем себе этого позволить. Мне очень нравится этот снимок. У нас было отложено несколько фунтов, но теперь они уже почти все вышли. Когда ничего не остается, я просто не знаю, что мы будем делать. А мне надо бы купить так много вещей детям. Если бы я могла изратить эти деньги, то купила бы им платья и много другое. Я думаю, что было бы нехорошо тратить деньги на фотография сейчас, хотя мне и очень хочется. Я не должна этого делать. Правда?

— Не отвечая на вопрос, он спросил:

— А чем занимаетесь выи муж, миссис...?

— Уошер.

— Миссис Уошер. Какова его профессия?

— Он был клерком. Но теперь он работает, где придется. Он служил на лесном складе. Может, вы слышали о каких-нибудь работах?

— Нет, к сожалению, не слышала. Так много народу ищет работу! Вот в чем беда.

— Да, Гарри говорил, что где бы он ни искал работы, всюду встречал десятки людей.

— Я знаю,— подтвердил он.— Но во всяком случае, мне очень жаль, что у вас так тяжелые времена.

— Если бы я знала, что бы вы ни было, а вы правильно поступили.

— Вы думаете?

— Конечно, правильно.

— Можете быть, через некоторое время я смогу...

— Я и тогда не стал бы этого делать.

— Вы не стали бы?

— Нет. Зачем тратить деньги на такую ерунду! Мне приходится предлагать их, чтобы заработать на жизнь. Но знаете, что я об этом думаю? Я не хотел бы иметь ни одной такой фотографии в своем доме.

— Женщина улыбалась.

— И это после всего, что вы мне говорили?

— Он засмеялся.

— Нет, честное слово, я считаю, что они совсем не крадут. Искусственная мажиза. А ценз? Это чистый грабеж!

— Она всевно смеялась.

— Ох, вы ужасный человек! Если бы ваш Босс услышал, что вы говорили? Вы не любите свою работу?

— По правде сказать, я ее ненавижу. Но у меня тоже есть жена и мальчик.

— Ее оживление угасло. Она сказала грустно:

— Значит, вы понимаете, что это значит?

— Я понимаю.

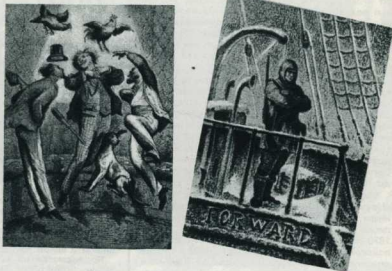
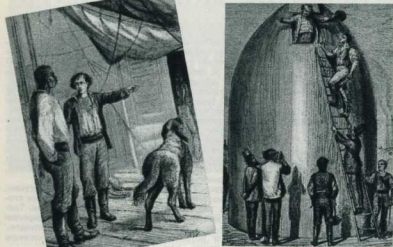
— Они оба замолчали. Потом она сказала:

— Я подумала, может, вы хотите чаю? —

— Ну присядьте, а сейчас поставлю чайник.

— Полчасе спустя он ушел. У следущего крыльца он остановился. Нет. Лучшее пройти немного вдоль улицы. Попробовать снова, пройдя несколько домов. «Никогда из меня не выйдет торговец», — подумал он.

— Перевела с английского Е. ШИШМАРВА.

ПЕВЕЦ НАУЧНЫХ ДЕРЗАНИЙ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Читателям всех стран мира хорошо известны научно-фантастические и приключенческие романы Жюль Верна. Многие поколения восхищались подвигом его героев — мореплавателей, ученых, исследователей, изобретателей. Пережившие уже на полвека самого писателя, они долго еще будут пленять людей своим мужеством и свободолюбием.

Жюль Верн (1828—1905 гг.) родился в большом портовом городе Нанте, с детства неудержимо влекли его морские просторы. Одинадцатилетним мальчиком он попытался уплыть в Индию. Отец с трудом дотяг беглеца. Пришлось остаться дома, учиться, готовиться к карьере адвоката. Но закончив курс юридических наук в Париже, Жюль Верн решил посвятить себя литературе. Он написал несколько комедий в стихах, о которых одобрительно отзывался знаменитый писатель Александр Дюма. Некоторые из них увидели свет рампы. Жюль Верн стал секретарем директора Лирического театра. Но вскоре он охладел к драматургии. У него возник грандиозный план: создать «роман науки, объединяющий, по его выражению, романтику вчерашнего дня с реальностью сегодняшнего и символом завтрашних дней. Дюма горячо поддержал эти замыслы.

30—40-е годы XIX века — годы юности и зрелости Жюль Верна — были эпохой научного и технического прогресса. В этот период пароходы пришли на смену парусникам, ширилась сеть железных дорог, был проложен подводный телеграфный кабель между Европой и Америкой, создавались усовершенствованные машины и станки, выступили со своими великими открытиями Дарвин и Менделеев, люди овладели тайнами электричества и уже пытались завоевать воздух.

Чтобы идти в ногу со временем, будущий романист пришлось изучать физику, математику, географию, естествознание, астрономию, геологию, технические науки.

Однако художественное воплощение задуманного романа наука удалось не сразу. Жюль Верн попробовал писать научно-популярные очерки и рассказы, совмещая литературный труд со службой на парижской бирже, куда он поступил, уйдя из театра.

Прошло несколько лет. Однажды Жюль Верн принес издателю Этьенне рукопись, в которой говорилось о возможности построить управляемый аэростат и исследовать непроходимые дебри Африки.

Этьенн был человеком передовых общественных взглядов, участником революции 1848 года, за что подвергся длительному изгнанию. Он мечтал создать специальный журнал, который мог бы противостоять телевизионно-визуальному кликалоу на молодежь. Этьенн

увзвел в начинающем писателе «своего» автора. Ознакомившись с рукописью Жюль Верна, он воскликнул: «Сделайте из этого настоящий большой роман и принесите мне как можно скорее!» Через пятнадцать дней издатель получил первый роман — «Пять недель на воздушном шаре». Этот роман, изданный в 1863 году, положил начало литературной сла-

вной подражалетель не только во Франции, но и в других странах. Однако, несмотря на свое громкое имя, писатель всю жизнь оставался скромным человеком, работавшим не покладая рук: «Помышлять мне работать — значит обречь меня на худшее из лишений», — писал он. — «Безделье для меня — пытка».

Жюль Верн любил совершать морские прогулки на небольшой яхте «Сен-Мишель», которой он сам управлял. Писатель обхаживал побережья Франции, Испании, побывал в Средиземном и Северном морях, посетил Шотландию. Впечатления от этих поездок отразились в его произведениях, но, разумеется, они составляют лишь малую долю тех разнообразных сведений из областей отраслей науки и техники, которые умело и занимательно вплетены в романы.

Действие в книгах Жюль Верна разворачивается на всех континентах, на суше и на море, в воздухе, под землей и в межпланетном пространстве. Увлекательная фантастика всегда основана на реальных достижениях и на возможностях науки и техники. Поэтому и сбывались многие предсказания танталового романтиста: человечество уже располагает подводной лодкой, самолетом, автомобилем и другими машинами, о которых современники Жюль Верна могли только мечтать. Недалек тот день, когда будет осуществлен межпланетный перелет, предсказанный писателем почти сто лет назад.

Произведения Жюль Верна проникнуты страстной верой в творческий разум человека, в его способности преодолеть все трудности, раскрыть все тайны природы. При этом писатель оценивает любое изобретение или открытие с глубоко гуманным тоном зрения: насколько оно улучшает жизнь людей, совершенствует человеческое общество.

Жюль Верн вел во французскую литературу нового героя. На смену одинокому романтисту, для которого путешествия — только бегство от скуки, и бесцельным мушкетером, ищущим приключений ради самой опасности, пришел вооруженный знаниями, настойчивый и самоотверженный труженик науки, работающий на благо человечества. Заслуга писателя состоит и в том, что он сумел раскрыть романтику труда.

Жюль Верн, по свидетельству его племянника, «больше всего на свете любил море, музыку и свободу». Свободолюбие, сочувствие народам, сражающимся за свои независимость, проходит красной нитью почти через все книги писателя, составляя одну из самых сильных сторон его творчества. Особенно дорожил писателя романом «20 000 лье под водой», герой которого — путешественник и ученый капитан Немо — мужественно боролся

Рис. Д. Пивоварова.

ав писателя. Книга была сразу же переведена на многие языки. Этьенн, которому понравилась идея молодого писателя создать целую серию «Необычайных путешествий», немедленно заключил с ним контракт. Жюль Верн обязался писать для основанного Этьенном «Журнала воспитания и развлечения» по два романа в год в течение двадцати лет. И он справился с этой гигантской работой! Одна за другой выходили в свет книги «Капитан Гаттерас», «Путешествие к центру земли», «От земли до луны», «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой», «Таинственный остров» и многие другие, составившие шестьдесят пять томов «Необычайных путешествий».

Творческая деятельность Жюль Верна продолжалась более сорока лет. У него нашлось

за свободу родной Индии. Морис Торез писал об этом романе: «Книга Жюль Верна «20 000 миль под водой» воспламеняла воображение. Был увлечен ею столько приключенческих капитана Немо, сколько им самим. Я видел в нем олицетворение великого гения науки, которая... преобразит мир и людей, когда будет служить народу!».

В ряде произведений Жюль Верна правдиво повествуется о страданиях колониальных народов. С горечью рассказывает он в «Детях капитана Гранта» о зверском истреблении англичанами новозеландских туземцев, в «Марсовом бойце» с восстанием сепаратистов, в «Пятидесятилетнем капитане» страшно клеймит работорговлю, процветающую в Африке вплоть до 70-х годов XIX века.

Жюль Верн ненавидел агрессивные войны. «Неужели люди никогда не признают, что писано на наклейке франко-прусской войны 1870 года. Писатель одним из первых в европейской литературе предостерегает против опасности германского империализма. В романе «Бегство миссис Бегуна» под именем заводчика Шульца, мечтающего завоевать весь мир, он вывел «тупешного короля» Круппа, основателя кровавой «династии» Круппов, которые ныне вооружают западноевропейских реставраторов».

Замечательно, что в произведениях Жюль Верна успеха добиваются только изобретатели-гуманисты, а человекоуниверсалисты неминуемо терпят крах. Даже мог бы профессор Линденбром добраться до центра земли без спонсорской помощи и стального продовольственного фанка? Как бы экспедиция Гленарвана, отсылавшая капитана Гранта в Пататагонии, если бы на помощь ей не пришел всемогущий индеец Талька, который является одним из самых обязательных и сильных образцов, созданных Жюлем Верном? Какое неограниченное услуги оказал веселый и находчивый слуга Паспарту Филеасу Фоггу, желающему во что бы то ни стало объехать вокруг света в шестьдесят дней?

В произведениях Жюль Верна действуют люди разных национальностей — французы и русские, американцы и негры, китайцы и англичане. Негр Геркулес спасает пятнадцатилетнего капитана Дика Снайдера, квандские крестьяне целыми семьями борются за свободу, чтобы отстоять свою свободу (безземельные семейства), героически борются жители острова Криг против турецкого ига («Архипелаг в огне»). Жюль Верн подводит своих читателей к выводу, что в научном исследовании и борьбе за свободу победа приходит в результате братского содружества народов.

Произведения Жюль Верна всегда пользовались популярностью среди молодежи. Многие выдающиеся путешественники и деятели науки вспоминали о нем с благодарностью. Лорд Бэрд, первый летавший на Южный полюс, говорил: «Это Жюль Верн меня тогда отправил». Замечательный русский ученый Циолковский отмечал, что благодаря Жюлю Верну он начал работать над созданием ракетного двигателя. Академик Обручев также указывает, что он стал геологом и географом-путешественником под влиянием книг Жюль Верна.

Прогрессивный характер фантастики Жюль Верна особенно ясен в наш день, когда реакционные литераторы капиталистических стран пишут кошмарные фантастические романы о войне, оживают истребление народов и расовую ненависть. От науки эти горе-фантасты не ждут ничего, кроме оружия массового уничтожения.

Жюль Верн воплотил торжество дерзкой научной мысли, которая служит укреплению мира и процветанию народов.

Советским людям—создателям близкой и далекой технической писательской фантастики—горячо рекомендуем Жюль Верна, национального доверенца и прогресса.

3. ПОТАПОВА

ПОЭТ, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ ЛГАТЬ

В трудных условиях работают честные писатели и поэты Турции. Преследуя всякое проявление прогрессивной мысли, турецкие реакционеры объявили все законно само слово «мир». Закрыты и разгромлены все демократические организации, газеты и журналы. Запрещено общество сторонников мира, разогнаны свободные профсоюзы, издан закон о смертной казни для коммунистов. Непрерывно заседают военные трибуналы, осуждающие на катуру сотни борцов за мир и национальную независимость, против превращения Турции в американскую колонию. Среди арестованных есть редакторы и поэты, писатели и журналисты.

Еще в 1948 году фашисты убили писателя-патриота Сабахаттина Ами. В ташкентском издании официальной критики, умер один из лучших поэтов Турции, Орхан Векри. Поэт, романист и новеллист Орхан Кемаль, известный советскому читателю по книге рассказов «Борьба за хлеб», вынужден был спрятать гардеробщиком в одном из театров Стамбула.

Но, несмотря на преследования, все большее число литераторов Турции становится на сторону народа. Общие условия жизни и работы, общие взгляды на назначение искусства определили и некоторые особенности творчества прогрессивных поэтов Турции. Большинство из нихступило в сознательную жизнь в годы революции, «среди ночи глухой». Они горячо ненавидят

свою страну свободной, писать стихи о счастье. Но они знают, что «неизбежно скрывает грозную правду за пестрыми словечками красивой лжи», и, обращаясь к жизни своего народа, пишут правду.

В противовес трескучему, высокопарному языку буржуазной, реакционной поэзии демократические поэты обращаются к народному, разговорному языку, используют достижения и традиции народной турецкой и классической восточной поэзии. Одной из таких традиций является стремление к лаконичности, краткости, выразительности поэтической мысли. Это помогает им, несмотря на ограниченные возможности, достичь своего максимума. Но народ преко-ростно разорвало сотни тысяч крестьян. Получив американские тракторы, помещики сплюснут с землей иждивенцев и иждивенцами. Тысячи людей в поисках работы покинут по дорогам страны, умирают в канавках, на улицах городов. Все это имеет перед глазами, когда читаешь такие стихи, как «Кочевники».

Прогрессивные поэты многого не могут сказать прямо и открыто, они вынуждены прибегать к намекам, инсинуациям. Но народ прекрасно понимает, о какой, например, ссылке идет речь тогда, когда парефризирует народную песню в стихотворении «Юльбиельчи».

Мы любуемся в переводе Р. Фидис стихи Мелиха Дивлетта Андал, одного из талантливейших поэтов Турции.

Пробуждение

Время пришло разбудить язьми!
Я проснулся среди ночи глухой:
Если нет больше ячмя спать,
Знают, есть мне о чем сказать.

Вглядитесь,
Вглядитесь в свои мечты,
чтобы лучше меня понять.
Я к счастью путн

помогу вам найтн.
Я вам говорю: жизнь легка и проста.
А тем, кто боится о человечности,
Привыкав: «Жизнь война!»—

Мы не верьте,
Мы вым хл умереть!
Говорю вам, что жизнь легка и проста.
Я чувствую силу правды в груди—
Здесь начало большого пути.
Слушая, разум,
Любой враг лжи и бесправия,
Слушая, любовь безграничная в сердце,—
Лишь на вас рассчитывать вправе я.

Кочевники

На солнцем выжженной земле, как овцы
в деревни,
Задумчиво стоят в степи кочевников могилы.

Когда б воскресли мертвецы, поведали б,
как ячмн.
Кочевники весной в горах с отарами бродили,
Тогда нагорные луга им общим домом были.
Когда б воскресли мертвецы, поведали б,
как ячмн.

Созав соседей и друзей, зарбосив все дела,
Садилась все вокруг огня, до света жгли
костры.
А чут зардеется заря, синималы удары шарты,
Созав соседей и друзей, зарбосив все дела.

Теперь уже не скотовод, а нищий пахарь
бродит,
Кочует, как осенний лист при ветреной
погоде.
Горька в душе его тоска. Напрасно прожил
годы.

Но с острой жаждой правды на поиски
свободы
Теперь уже не скотовод, а хлебобор выходит.

Бедный Кязым

Плохо пришлось в эту зиму
бедняке Кязыму.
Пришлось ему всю эту зиму
на нарковых скамьях ютиться.
Теперь ему лучше—
чахотка.

С весны он лежат в больнице.

Колыбельная

Малыш Дурсун, привет тебе, привет!
Вот воздух.
Вот вода.
Вот свет.
Також, малыш Дурсун, наш мир.

Привзвал пуста за морей,
К нам изжили в сад свинью...
Подрастает, малыш, скорей,
Баю, баюшкн, баю.

Чтого тебе не припасла судьба!
Вот пеленки.
Вот застенки.
Вот борьба.
Також, малыш Дурсун, наш мир.

Баю, баюшкн, баю.
Ты крохотный, вон свинью.
Пусть побольше народот
Вот такж, наш, ты, ребат
Мамы нашн, хзрябей, как ячмнцн.

Я позт
дней, котормх чудесней нет.
Только счастье в стихах воспевать бы хотел:
О приданном невестам слагал бы я песни,
Об аништин узникам я бы пел,
Принимал бы только добрые вести
детям, чьи отцы ушли на фронт умирать.
Только трудное дело это
для поэта,
котормй не может лгать.

Вокруг и серебрянистого шара

РЕПОРТАЖ-ФАНТАСТИКА

А. ШТЕРНФЕЛД,

лауреат Международной
поощрительной премии по
электронике.

Связь прервана. Немного страшновато это чувство полной оторванности от родной планеты. Но мы знаем, что наши соотечественники не забывают нас, и это воодушевляет каждого.

Мы на высоте двухсот километров над поверхностью Луны. Наш корабль проходит через апогей. Чтобы «Лунокор-2» не повернул обратно на Землю, как подброшенный камень, уменьшаем его скорость до 1590 метров в секунду. Для этого заставляем двигатель работать в обратном направлении: сопло ракеты поворачивается, и газы выбрасываются в направлении движения корабля. Так в чрезвычайных случаях машинист паровоза дает контрпар. Двигатель нас сидит у дублированных штурвалов; работает также автопилот.

Маневр закончен. Двигатели выключены. «Лунокор-2» превратился в спутника Луны, хотя астрономия не знает спутца, чтобы спутник планеты имел своего собственного спутника.

Луна зашла ярким солнечным светом. По мере приближения к лунной Антарктике черные, как сажа, тени гор становятся все длиннее и длиннее. По типу рельефа это полушарие Луны мало чем отличается от того, которое мы постоянно наблюдаем с Земли. В экваториальном поясе расположены главным образом моря, а в полярных зонах преобладают горы.

Вдали, слева от нашего корабля, заблестит гребень вала оледенения из лунных цирков¹. Мы стремительно приближаемся к нему. На юго-западе высится островершинный дождевальный утес. За цирком следуют скалистые обвалы и глубокие пропасти.

Все новые и новые вершины озаряются ярчайшим солнечным светом. На первый взгляд различаешь лишь резкий контраст света и тени. Это очень утомляет глаза. Отдельные области здесь отличаются друг от друга не только рельефом, но и окраской: красноватые и зеленоватые оттенки неизменны, белоснежные шапки горных цирков. Местами мелькают то желтые, то коричневатые пятна.

Контуры более отдаленных кратеров, горных хребтов и морей видны так же четко, как и ближние: здесь атмосфера не загем-

(Окончание.
Начало см. «Смена» № 5)

няет их вид. Более четкими, чем с Земли, кажутся и далекие звезды и туманности. Напротив, однако, вы стали бы искать отсюда взором ближайшее небесное тело — родную Землю. Существо, прожизав свой век на этой стороне Луны, никогда не узнало бы даже о ее существовании.

«Лунокор-2» мчится вперед, и вот уже через лунного диска стремительно поднимается Земля, утопающая в солнечных лучах. Ее диаметр кажется раза в четыре больше диаметра Солнца.

Пересекая в терминаторе, ардеменную границу света и тени, двигаюсь в направлении более темного сейчас полушария. Наш корабль долго еще освещается солнечными лучами.

Нам хорошо видна и не озаренная непосредственно Солнцем часть лунного шара: она освещена красноватым земным светом, лишенным мягкого сине-фиолетового оттенка солнечных лучей. Это так называемый «епельный свет». Он в десятки раз ярче лунного, который озаряет Землю. При этом освещении мы свободно рассматриваем мельчайшие детали карты.

Пролетаем над гребнистыми буграми лунных Карпат. Уте видныся окрестия цирка Коперника с его сложными, каменными валами и светлыми лучами, образованными из мелкого зыбкого пепла, которые создают подобие венца вокруг этой огромной котловины. Широко во многие километры, они тянутся через холмы, донья лунных морей и широкие расщелины, постепенно суживаясь и исчезая вовсе.

Прошло 2 часа 7 минут 38 секунд, и мы, пролетев по кругу 12177 километров, опять возвращаемся к исходной точке. Таким образом, мы состарились на один местные сутки. 1 час 22 минуты 32 секунды у нас дился день, а ночь продолжалась немногим больше 45 минут.

Нам не терпится подлететь ближе к Луны. Опять включаем двигатель и заставляем его работать в направлении, обратном движе-

нию корабля — таким образом уменьшаем скорость на 41,5 метра в секунду.

Складки на лбу штурмана подозрительно углубляются.

— Ну как! — спрашивает его селенограф.

— Ничего, пока все хорошо, — спокойно отвечает штурман.

— Что значит «пока»?

— Очень просто: через пятьдесят минут мы опущуемся на поверхность Луны, врезавшись в нее на глубину в несколько метров. Я вижу, вам это не нравится?

— А почему вы так спокойно об этом говорите?

— А зачем мне волноваться? Главное — знать «психологию» корабля и свое дело. Наши приборы определяют с предельной точностью все параметры траектории. Катастрофа угрожает нам не через пять секунд, а через пятьдесят минут — если... мы будем бездействовать. Для исправления же ошибок требуется несколько секунд.

Он включает на мгновение маленький вспомогательный двигатель и увеличивает скорость «Лунокора-2» всего лишь на 2,5 метра в секунду. Если с такой скоро-

стью подбросить мячик на Земле, то он подпрыгнет на 0,3 метра.

— А на сколько поднимется наша ракета после этого маневра! — спрашивает селенограф.

— Вместо того чтобы «оскундуть» поверхность Луны, «Лунокор-2» не долетит до ее поверхности на более десяти километров.

Корабль постепенно приближается к поверхности Луны. Это стало заметно даже без всяких приборов. Все меньше становится диаметр дальности горизонта на поверхности Луны. Если на высоте 75 километров этот диаметр составлял одну тысячу километров, то теперь, на высоте двадцати километров, он почти в два раза меньше. Зато все крутинее становятся детали лунной поверхности.

В течение одного часа и двух минут стрелка спидометра все поднималась. Теперь она остановилась на делении, показывающем 1674 метра в секунду. Обогнув полушарие Луны, мы достигли высоты 9,8 километра от поверхности Луны. Непродолжительное время наш корабль стал опять подниматься, стремясь, естественно, вернуться до прежней высоты по симметричной полуза-

Рисунки В. Воронцова.

¹ Цирками называют крупные долины на Луне, окруженные валами.

литической дуге. Пришлось опять дать «контрпар».

Мы летим на постоянной высоте десяти километров. До вершин высочайших лунных хребтов рукой подать — один — три километра.

Селенограф, который долго не покидал окуляр телескопа, восклицает:

— «Глава» моря образована из остроугольного щебня! Наши астрономы правы!

Он установил также, что лунный щебень имеет различную окраску. Одни щебени напоминают пемзу, другие серы; самый распространенный вид песка похож на вулканический пепел; иные породы напоминают базальт и кварцевый порфир.

Мы только что пролетели над многовершинными массивами Кавказа. А сколько сотен тысяч километров отделил нас от родного Черного моря! Вся поверхность гор исцарапана трещинами. Многие из них бороздят поверхность пород в разных направлениях, образуя своеобразную мозаику в виде причудливых звезд разной величины.

Мы дважды пролетали над «Прямой стеной»: с востока и запада. Она возвышается на 150—300 метров и тянется на сотни километров. Создается впечатление, что лунная кора треснула вдоль прямой линии и осела, образовав гигантскую ступень. Служащими экспедициям, которые спускаются на поверхность Луны, легко будет вырыть в ней пещеры-жилища с естественной постоянной температурой выше нуля.

За 1 час 49 минут 20 секунд корабль совершил полный оборот

вокруг Луны, покрыв расстояние в 10 983 километра. Но когда мы завершили полный круг, местность под нами была уже не та: ведь за это время Луна успела сделать несколько оборотов вокруг своей оси...

Продолит наши коротенькие дни и еще более коротике ночи, и перед нашими глазами предстанет новая панорама. Мало-помалу мы обзораем всю огромную поверхность Луны.

...Уже четырнадцать земные сутки «Лунокор-2» реет вокруг серебристого шара. Воздух здесь так разрежен, что только благодаря тонкости наших инструментов удается его обнаружить. Движению нашего аппарата он практически не оказывает никакого сопротивления.

Сегодня ожидается затмение. Для нас, наблюдателей с Луны, это — солнечное затмение, а для жителей Земли — лунное. Мы делаем последние приготовления к его наблюдению.

Вот вблизи Солнца появился тонкий багровый серп с рогами, оторванными от Солнца. Это запылала атмосфера нашей Земли, которая начинает надуваться на Солнце. Сама Земля не видно, но по мере ее приближения к Солнцу дуга серпа все увеличивается, и Земля все больше закрывает солнечную корону.

Ослепительно яркий диск Солнца уже на ущербе, и тень Земли надвигается на Луну. Серп земной атмосферы замкнулся в пылающее кольцо и на бездонно-черном небосводе среди тысяч ярких немерцающих звезд горит багрово-красным венцом. Каемка земной атмосферы очень света с внутренней стороны, а внеш-

ней — сходит на нет. Мы очутились в полной темноте. Только вишнево-красные тучки тускло освещают зроби лунных гор и их буро-коричневые склоны. Сколько таинственности и очарования в этом сказочно красивом ландшафте!

При помощи высокочувствительного электронного прибора измеряем температуру лунной почвы чуть западнее нашего курса: 68 градусов выше нуля! Через четыре минуты тень Земли ляжет на эту местность, и температура начнет резко падать.

На «Лунокор-2» ночь. Мы над полушарием, где не бывает затмения Солнца.

Когда мы совершили полный оборот вокруг Луны, местность, температуру которой мы измеряли, находилась несколько восточнее по отношению к нашей орбите, в полной тени. Нам еще раз удалось измерить температуру почвы в этом месте. Оказалось, 79 градусов ниже нуля! Селенограф утверждает, что в этом месте сейчас наверняка образуются трещины в породе. Но такое предположение требует проверки при солнечном освещении. Безусловно, лунные породы расширяются и разламываются от колебаний температуры, особенно резко во время солнечных затмений. В этом, видимо, и кроется тайна исчезновения цирка Линnea в море Спокойствия. На месте, где когда-то многие астрономы видели его четкие очертания, осталось лишь пятно.

Затмение длилось 3 часа 19 минут. Нам, конечно, не удалось проследить все его этапы. Перерыв в наблюдениях длился 51 минуту, когда «Лунокор-2» ввел в

двойную тень: Земли и Луны. Это, естественно, совпало с перерывом в радиосвязи с Землей. В остальное же время мы регулярно радиолокали Земле результаты наших наблюдений. Так что при любых обстоятельствах наши труды не пропадут даром...

Досадно, что мы не застали конца затмения. Соподали на две минуты. Но это от нас не зависело: круговая скорость на данной высоте строго определена законами природы.

...Незаметно появился серп нашей планеты: рождается новая Земля.

Имята Константина Эдуардовича Циолковского ставало нам исследуем мировое пространство равнинными приборами!

Пришла пора вернуться домой. Покидаем лунные цирки и кратеры, горные отроги, перерезывающие пустынные равнины, рельефные «светлые лучи» и глубокие темные расщелины. Мы покидаем безжизненное, бесплодую, негостеприимную Луну с ее безводными морями, как бы в нашем названных морями Породы и Влажности, Дождей и Облаков. Мы покидаем залива Рауду, озеро Спокойствия и океан Бурь. Мы выполняем наш долг перед любимой Родиной и возвращаемся в нашу прекрасную страну.

Экспедиция наша целью записать всю поверхность Луны до мельчайших подробностей. Она должна была также изучить состав и строение атмосферы Луны, установить, возможно ли сопротивление воздуха затормозить спускающийся на Луну корабль. Экспедиция возвращается с превосходными микролентами.

На основании этого документального фильма будет составлен многотомный атлас Луны, изображающий ее поверхность. Лучшее всего мы изучили лунную Арктику и Антарктику; над этими областями пролетели сотни раз.

Хотя атмосферу Луны мы исследовали лишь на высоте свыше десяти километров, этого вполне достаточно, чтобы наши ученые смогли сделать точные выводы о ее строении и составе и в нижних слоях.

Мы засняли также лунную поверхность через цветные фильтры, при полихромном свете, инфракрасных и ультрафиолетовых лучах, сделали снимки для цветных фотографий.

Мы изучили магнетизм Луны, определили расположение ее магнитного экватора и магнитных полюсов; мы зарегистрировали явления флуоресценции и фосфоресценции на Луне.

За 27 земных суток и 8 часов мы сделали 360 оборотов вокруг Луны, а сама Луна — один оборот относительно звезд.

Теперь — в обратный путь! Опять заработал ракетный двигатель. Несколькими сантиметрами «Лунокор-2» летел, ускорая свое движение, пока он начал, наконец, заметно отрываться от своей круговой орбиты и медленно набирать высоту.

Двигатель выключен, а Земля все еще не видно.

Неожиданно на горизонте появились бурорук — это восходитель Земли. Она утопала в солнечном свете. Луна тоже еще залита солнцем. Пересекаем терминатор. Обращенное к Земле полушарие Луны блистает яркими апельсиновыми звездами.

Луна на небосводе становится все меньше, ее серп заметно убывает. Мы возвращаемся на Землю по симметричному пути.

«Мы уже пять суток в полете. Сейчас приближаемся вплотную к Земле и готовимся к спуску.

Перед нами, пожалуй, самый трудный этап путешествия — торможение воздухом. Но с нами опытный пилот первой лунной экспедиции, и мы спокойны.

Переселяемся из «прицела» в маленькую кабину планера. Перевозим туда микрометры, ватные жгутики, научные записки. Надаем скафандры. Отделив «прицел» от корпуса двигателя, разделяем его вдоль продольной оси на два огромных корыта и прикрепляем длинными стальными канатами к задней части фюзеляжа спускаемого планера. На первых порах эти корыта будут служить парашютами.

Мы подготавливаем искусственный звездный дождь, по которому Земля сможет следить за трассой нашего спуска. Собираем ставшие ненужными винтики, гайки, болты и прочие мелочи.

— Это будет прекрасная бомба! — говорит штурман, показывая на пустую консервную банку.

Мы выбрасываем наружу наши искусственные метеоры.

Счетчик молкулу извещает о состоянии самых верхних слоев атмосферы. Металлические купола парашютов натягивают стальные канаты, и наш космический планер кривая в атмосферу носом вперед, почти параллельно к земной поверхности.

Вдур кабинета озаряется ослепительным светом. Одна за другой

вспыхивают огромные шаровые молнии — это наши винтики и гайки благодаря своему стремительному движению, превращающему десять километров в секунду, накалились от трения и соприкосновения воздуха. Мы их видим скупными. На Землю же они падают косым дождем.

Даже купола парашютов начинают накаляться. Сильно нагрелась и верхняя стенка нашего планера. В месте захода шасси выступающая часть стенки расплавилась. Шасси вывалилось, и хотя мы его тут же втянули, оно уже было без колес: спицы расплавились в воздухе. Мы их видим скупными. На Землю же они падают косым дождем.

Приборы показывают, что мы выходим из земной атмосферы. Наш снаряд прорезал воздушную оболочку Земли, томят огнем — кончику апельсина. Здесь, в безвоздушном пространстве, наш аппарат постепенно охлаждается, излучая накопленное тепло.

«На этом месте», — говорит диктор, — мы прерываем передачу отрывками из дневника второго бортмеханика лунной экспедиции. В радиомикрофон продолжает поступать телеграмма с борта «Лунокор-2».

Слышны позывные центральных радиостанций.

Первого мая 1983 года в 4 часа утра по московскому времени все радиостанции передавали очередную строку Всесоюзного института космических исследований: «...Здесь время непродуктивного пребывания в атмосфере «Лунокор-2» частично замедлилось свое движение и вынырнул в безвоздушное пространство со скоростью десяти километров в секунду. Очугишисся на высоте

сорок тысяч километров, он начал снова падать на Землю. Спустился в космос, аппарат сделал круг над планетой, погрузился в атмосферу. Уменьшая, таким образом, скорость на один километр в секунду, корабль поплылся лишь на шесть тысяч километров и вернулся в атмосферу спустя три часа, чтобы в последнюю раз вынырнуть в безвоздушное пространство.

При последнем погружении в атмосферу аппарат пришлось сбросить парашют корабля, который, погружаясь в плотные слои атмосферы, потянул за собой и аппарат. Пришлось отрезать канаты.

В отличие от парашюта космический планер благодаря обтекаемой форме и компактной конструкции не нагревался.

Планер сел на шесть тысяч километров в высоту, спуска в планирующем полете. Раньше чем приземлится, он еще раз облетит вокруг Земли.

Шесть пар мощных стратосферных авиадвигателей поднялись в воздух и готовы перехватить космический планер «Лунокор-2».

К началу демонстрации на Красной площади диктор возвестил:

«Наш микрофон установлен на центральном космодроме... Возвращающиеся героев сопровождают сотни самолетов разных типов. Только Колеса стратосферного гиганта с космическим планером «Лунокор-2» на всплыве прикоснулись к асфальту космодрома.

Спустя четверть часа участники лунной экспедиции шли по Красной площади.

Из истории батискафа

В 1538 году на реке Тахо, протекающей через древнюю столицу Испании Толедо, перед императором Карлом V, его приближенными и тысячами зрителей был продемонстрирован необычайный опытный подводной на веревках подвешенный вверх дном громаднейший горшок. Внутри него укреплени доски, на которых расположились два грека — изобретатели этого прибора. Затем горшок, который удерживался в равновесии при помощи свинцовых грузов, опустился на дно реки.

«Надо было видеть это чудо!», — рассказывал очевидец опыта путешественник Дюон Тендер — чтобы померить, что можно опуститься под воду, не замочив платья и даже имея с собой запасную свечу».

Однако Тендер явился свидетелем далеко не первого случая спуска людей под воду. Подводное дело было хорошо известно еще до нашей эры в Египте, Китае, Греции, Аравии.

Собойница о подводных встречах, например, у греческого историка Фукидида при описании осады афинскими войсками спартанского города Сиракузы в 414 году до нашей эры. Итальянцы отразили свои корабли, стоявшие в гавани, от нападения афинян частыми выстрелами из свай, вбитых в морское дно. Гречни уничтожили подводную часть частую, но оставшиеся под водой свай представляли все же большую опасность для их судов. Несторозимый немцы мог посягать на них корабль, как на подводный минный. Тогда, по слову историка, в свай вбитых спицами подвальных за водонагряжение».

Рисунки Л. Хайлова.

Фукидид не стеснялся подводного устройства, но подводное устройство, что у афинян были приборы, из которых неоднократно, как о многих всем известных, рассказывал несомненно позднее Аристотель.

«...Для того, чтобы ловить губок, могли вынуть под водой, и ним в воду спускали корзину, которую полностью наполнили, так чтобы она была не полна воздухом, а не водой. Эти сосуда спускают по веревке прямо, потому что если их хоть немного наклонить, то в сосудах воздух выветвет вверх и испорчит их».

Как видно из многих античных источников, уже в те времена подводное дело было по профессии. Подводные добытки под водой устриц, раковины с крабовыми и морскими рабы, мечуги, перламутр, перомутр. Во время военных действий, когда лавины получались перевернуть морские канаты правых судов, ставить подводные заграждения и даже увидеть корабль.

В средневековой Европе подводное дело освоивали, как и в глубокой древности, на принципе опрокинутости горшка. Античной ученый Фрэнсис Бэкон описывал подводный прибор, напоминающий «аристотельский» — сделанный из металла. Это устройство устанавливалось на дне моря на трех подвижных досках в него голуба, возводя по мере надобности высоту над водой до 200 метров.

С развитием науки и техники улучшались и устройства подводных приборов. Принятый горшок постепенно превратился в особый шлем, плотно обхватывающий голову и предохраняющий глаза, а также снабженный изогнутой трубой, выходящей на поверхность воды. Через эту трубку подводный человек свободным дыханием снабжения, конечно, не мог. Спускаться глубже было спускались глупо, под воду посылать продолжился совершенствовались изобретениями Фландра — люди в кожане гуди добивались спуска на глубину до 200 метров. Дальнейшее развитие подводного искусства послужило по пути усовершенствования подводного костюма, а созданию пневматических, кислородных приборов — батискафов и батископов. Современных человек смог проникнуть под воду на глубину в несколько километров.

В. СЕКУНДОВА

Сцена на пьесе Орлина Василева «Счастье» в постановке Народного театра молодежи.

Молодежный театр Болгарии

По вечерам в центре Софии приветливо распахиваются двери красивого здания на улице Дюджовича — пропускная юностей и девушек на спектакли в Народный театр молодежи.

Трудный и сложный путь становления творческих исканий прошел этот театр за десять лет своего существования. Он был организован как театр для детей. Вначале на его сцене ставились только инсценировки народных сказок. Юные зрители с восторгом встречали нарядный новый спектакль, и нередко можно было встретить по дороге и на улицах ребят, игравших в «Гота в сапогах» или в «Кота мастеров». Но мальчишки становились старше, серьезнее, и, естественно, на сцене любимого театра им хотелось увидеть пьесы о своих сверстниках, о других, о широким театре, конечно, не мог оставить без внимания законные

требования зрителей. Так в репертуаре появились пьесы для юношества.

В 1952 году коллектив театра пополнился молодыми артистами. Это были выпускники Высшего театрального училища: София Киранчиева, Владислав Молеров, Иордан Спасов, Георги Йостов, Михаил Парменов. Принимать молодые режиссеры: Георг Лулунанов, Цветана Станева, Лилия Тодорова. Художественным руководителем театра стал Жельо Мананджиев, омонимичный Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского в Москве. Не прекращая работы над детским репертуаром, коллектив решил поставить спектакли, которые изволновали бы молодых зрителей новой жизнью, затронув бы важные жизненные вопросы.

Первым из таких пьес, как «Юность отцов» В. Горбатова, «Полночь» Фостер признат себя виновным»

Роме Вайяна, «Гроза» А. Островского, потрабовали от всей группы упрямого, напористого труда.

Нелегко было завоевывать популярность у зрителей. Многие Софии привыкли думать, что на улице Дюджовича попорочены и игнорируются детский театр; вечерние спектакли вродяда публично посещала мало. Но театральные коллективы настойчиво добивались своего на заводах, фабриках, в институты посылались специальные приглашения, после премьеры в зрительном зале устраивались широкие обсуждения спектаклей.

Всеобщее признание нового театра началось с постановки пьесы болгарского драматурга Орлина Василева «Счастье». Понимая судьбы людей в буржуазной Болгарии, рассказывая об их борьбе против фашизма, театр своим спектаклем утверждал, что «Счастье» — в борьбе за свободу народа.

В Почти все главные роли в спектакле были получены молодыми артистами. Дамина исполнила Иван Тонев, знаменитый советским артистом по кинофильму «Песнь о человеке». Антер создавал убедительный образ коммуниста, пламенного борца против фашизма. Юноши в словесности и музыкальные пьесы — Невяня — убежденно рассказывали Мандрагера. Талантливая антриса уме даже выступать на сцене самых разнообразных театров. Она — место имени Пенна Пенна исполнил, например, роль Катерины в «Грозе».

Восхищаясь талантом артистки, ее талантом, Преиде она удачно выступила в ролях мальчишек. Ее безупречное исполнение интересно сыграла роль старшей Рады.

Спектакль «Счастье» пользуется большим успехом.

Л. ГОРХОВСКАЯ

«Сообщите в бюро кольцевания!..»

«Дорогие товарищи! Я вернул эту птичку уже назад. Она делала в нустарии на берегу озера. Кольцевание У нее было кольцо с надписью. Посылаю вам это кольцо, а вы сами определите, кто и почему не ее дану надели кольцо?»

Это письмо из Одесской области пришло в Москву, в Бюро кольцевания при Главном управлении по запашникам и охотничьему хозяйству. Научные сотрудники Татьяна Петровна Шеварева и Маргарита Ивановна Лесоберг высказали в одном из изданий обширной картонной карточки за номером «Г-117-829», указавшим на кольцо.

Они выяснили, что найденная мальчиком птичка принадлежит к виду певчих птиц и поимана в Латвийской ССР и надели на нее кольцо Одесской области. Птичка была поймана в том же месте, откуда она и привезена на юг.

В тот же день в Бюро кольцевания пришло сообщение от другой свидетельницы, помещенной близ города Салтыва. Эта птичка случайно добралась до Венгрии, где проводит уже вторую зиму.

Ученые-орнитологи изучают пернатый мир. Но как пронизывать в долготу птичку жизни? Как проследить места и сроки гнездования? Как узнать направление и время перелета? На помощь исследователям приходит простой, остроумный способ. Запомнив имя и крашецветные музены, научные институты и кружки натуралистов ловят промысловых и насекомоядных птиц, надевают на новенькие кольца, выгравированные по номером и надписью: «Сообщите в Бюро кольцевания...» — а затем отпускают на волю. На каждую помеченную птичку в Бюро заводят карточку с точными данными.

В Москве, в дом 1/11 по Орлинскому переулку, приходит письма из разных уголков Советского Союза и многих зарубежных стран: Болгария, Румыния, Венгрия, Италия, Китай, Индия, Египет... На основании этих писем ученые-естествоиспытатели делают выводы о местах

стех зимовки различных птиц. Так, например, было установлено, что кряквы, населяющие север европейской части СССР, зимуют в Западной Европе, а кряквы из южных областей Союза — у берегов Средиземного моря. В Закарпатье направляются к зимовкам на Подкарпатье, в основном — южные районы Западной Сибири.

Мухолюбки-нестружки избрали местом зимовки Португалию. Но одной из этих птичек ампушишей осенью сообщили дважды: сначала ее поимали в Итании, и до зимы река По, затекая, выплывала на волю, она достигла своей конечной цели — португальской столицы Лиссабона. Но куда бы ни залетали отважные путешественники, без помощи определения своей пути, — весной они возвращаются на родину.

Ласточка-звездата, охотничья птичка, вылетевшая в Брюкчю, в Азовском море, провела зиму в южной Африке; летом ее вновь увидели на том же месте.

Влагодаря кольцеванию стало возможным высчитать продолжительность птичьей жизни. Молодая караваяга, пометенная 9 июля 1931 года, в день ее воли, погибла 1 мая 1951 года в Сабарбадском районе, Азербайджанской ССР. Она прожила почти 20 лет.

Фото Г. Борисова.

Летят перелетные птицы... Эти маленькие перелетные существа приносят огромную пользу народному хозяйству. Они уничтожают насекомых, охраняют от вредителей поля, леса, сады, огороды, волевым полетом следуют за матеьными горами ученых.

«Сообщите в Бюро кольцевания!»

О. ШТЕРНБЕРГ

КРОССВОРД

Составил А. Кутузов (Москва)

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48

вильной пирамиде. 40. Прибор для измерения сопротивления. 41. Приспособление в товарных и сверлящих станках. 42. Деревянная машина для рытья и выравнивания грунта. 43. Несоблюдая условия. 44. Достойно.

По вертикали:
1. Планета. 2. Электрический изоляционный провод, заключенный в герметическую защитную оболочку. 3. Путь. 4. Агитационный рисунок с текстом. 5. Река в Сибири. 6. Форм стихосложения. 7. Одна из литературных жанров. 8. Периодическая выходящая из шельма. 17. Углубленные недостатки. 19. Кружок, привлекаемый к ступе под электрический выключатель. 20. Слово, близкое по значению к другим словам. 21. Заготовленный для будущей выработки материал. 22. Совокупность отвлеченных понятий и охаживаемых государственным и правде, регулирующих отношения людей. 23. Обществе. 24. Равнина в П. Чехов. 25. Спортивный турнир. 31. Группа выдающихся деятелей одного направления. 32. Часть футбольного нападающего. 34. Древний предание по отношению к общественной группе, отличающейся от общего явля. 36. Род искусственного волокна. 37. Персонаж из «Русская и итальянская». С. Пушкина. 38. Тонкая наемщина.

- По горизонтали:
7. Фигурный лиризм. 10. Восточный ковер. 11. Отвлеченные, плавают, содержащие сведения для потребления. 12. Химический элемент. 13. Открытие в вершине вулкана. 14. Вид развлекательного искусства. 15. Опера С. Моцарта. 18. Цивилизованный вид дороги, канала. 21. Страны света. 24. Самостоятельно выходящая в старину. 25. Выдающийся английский ученый. 26. Столица японского государства. 27. Путь движения небесного тела. 28. Масловское собрание. 29. Птица из семейства асстрибуци. 32. Команда бурлаков. 34. Самоса. 36. Космос. 39. Высота боковой грани в призме.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урнин.

Адрес редакции: Москва, д-47, ул. «Правда», 24.
Инд. № 257.

Зам. № 532.

Тел. Д-3-24-24.

А 1808.

Подписано в печать 22/III 1955 г.
Формат бумаги 70 × 108 см.

Тираж 250,000 экз.
1,75 бум. д.—4,8 экз. д.

Негорючие

Всю ду на стройках-и

но. чи и дин- яс. ны. дин звез. да. ми блещут ог. ни.

Свет. лой меч. то. ю- и чист и да. лек - в сердце за. пал мне о.

дин о. го. нек. Свет. лой меч. то. ю- и чист и да. лек -

в сердце за. пал мне о. дин о. го. нек. // дин о. го. нек!

Песня об огоньке

Слова Е. ВАЛИНОЙ.
Музыка Б. КАРАХАНА.

Всплыв на стройках и ночи и дни
Ясными звездами блещут огни.
Светлой мечтою — и чист и далек —
В сердце запыл мне один огоньки.

Тот огонек, уноси мой поной,
Ты замигавш свою рукой,
И, загорясь в ночной тишине,
Словно привет послалст он мне.

Внеку, как движется крана стрела...
Сколько ночей я вот так не спала!
Хочется знать мне: с какой высоты
Ночью окно мое видишь ли ты!

Момет, забыл ты, как ранней
весной
Ветку мимолы мне конул в окно,
Всплыл в глазах твоих радостный свет.
Сердце тревожно забилось в ответ.

Небо над стройкой алет слегка,
Тако плывут над тобой облака...
Светлой мечтою — и чист и далек —
Греет мне сердце один огонек!

Цена
номера
2 руб.

